

СВЯЩЕННАЯ НАРОДНАЯ

*73-летию Великой Победы
посвящается...*

Священная народная...

Сборник произведений
Составитель Г.В. Самусенко

Коломна
Серебро Слов
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

C25

ISBN 978-5-907026-35-3

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель Председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель Председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
Секретарь Правления Московской областной организации
Союза писателей России

Галина Валентиновна Самусенко

составитель,
член Московской областной организации
Союза писателей России

C25 Священная народная... Сборник произведений (73-летию Великой Победы посвящается) / Сост.: Галина Самусенко. – Коломна: Серебро Слов, 2018. – 135,[1] с.

ISBN 978-5-907026-35-3

© Авторы, 2018

© Самусенко Г.В., составитель, 2018

© Минаев Д.В., обложка, 2018

© Серебро Слов, 2018

ЭТО НАДО ЖИВЫМ!

Человеческая натура противоречива. Самые высокие проявления духа, сердца и разума непостижимым образом уживаются в ней с тяжёлой энергией агрессии, — и так складывается история, что вооружённые конфликты не перестают сопутствовать её течению: не прошло ещё ни одного дня, в течение которого сохранялся бы мир на всей планете. И не зря в культуре каждого народа одной из самых уважаемых, даже архетипичных, является фигура воина — защитника, хранителя родной земли. Ведь вместе со всей той болью, горем, разрушениями, что приносит война, испокон веков она же служит поводом для проявления лучших человеческих качеств — воли, мужества, самопожертвования, — безошибочно показывая суть каждого, в мирное время подчас остающуюся незаметной. Вот только слишком дорого это нам обходится...

Есть у литературы о войне, кроме очевидной задачи — сохранить летопись грозных страниц истории, — и ещё одна, не менее важная. Она заставляет читателя задуматься: неужели так крепко впаяны в нашу природу стремление к разрушению, склонность к вражде и ненависти, — словом, всё то, что подвигает нас, изначально разумных и созидательных существ, поднимать руку друг на друга? Когда же мы перестанем противостоять друг другу и объявим вместо этого бой всему дурному, злему, недостойному в самих себе?..

Безусловно, для нашего народа главной батальной темой ещё очень долго будет оставаться тема Великой Отечественной войны (хотя и нынешнее время, к сожалению, продолжает пополнять печальный список военных конфликтов — пусть менее масштабных, но ведь от этого боль и смерть

каждой жертвы не становится меньшей трагедией!). Поколение тех, кто писал о героической борьбе с фашизмом, будучи прямым её свидетелем и участником, уходит – уже почти ушло. Эстафету приняли их дети, внуки и правнуки, у которых ещё на слуху рассказы старших, ещё хранятся в семейных архивах пожелтевшие документы, письма, фотографии – к счастью, всё это теперь можно сберечь для будущего с помощью современных технологий. И очень важно – что интерес к теме войны не ослабевает, что всё новые и новые истории о судьбах фронтовиков извлекает из своего архива народная память, дабы поведать о них миру, что гордость за дедов и прадедов остаётся живым, искренним чувством современников.

Скоро – вот уже в который раз – пройдёт в День Победы нескончаемым потоком по городам страны Бессмертный полк, подобный волне, раз в год вздымающейся над человеческим морем, – но во всё остальное время продолжается тихая упорная работа хранителей народного духа – в том числе литераторов. «Это нужно – не мёртвым! Это надо – живым!» – строка Роберта Рождественского, ставшая крылатой. Да, нам это нужно – чтобы продолжать чувствовать себя единым народом, имеющим прошлое – а значит, и будущее. И данная книга – тому свидетельство.

Анастасия Русских

Алевтина Бондаренко

г. Коломна, Московская область

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Я берегу, как дорогую память,
Все фронтовые письма от отца.
А на земле цветущих вишен замать
И песни, птичьи песни без конца.

Листает пожелтевшие страницы
Весенний ветер, залетев в окно.
Нет, никогда не может позабыться,
Что повториться больше не должно.

Писал отец — и в торопливых строчках
Так мало о себе и о войне,
О жизни больше спрашивал, о дочках
И всё просил: пишите чаще мне.

Как часто эти письма мы читали,
Сжимая сердце, подступала грусть.
А письма вновь и вновь нам обещали:
«Теперь недолго, скоро я вернусь».

Опять встаёт победный день весенний
На золотом, на солнечном крыле.
Мне положить бы веточку сирени
Там, где отец лежит, в чужой земле.

Владимир Бордюгов

г/п, Томилино, Московская область

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Левитана слушаем, новости вечерние,
ЗИСы поливальные веером метут,
Домино за столиком, старички почтенные,
И кружится, падая, тополиный пух.

Пацаны взъерошены, в вышибалы носятся,
Мяч, как пуля, мечется, но не всяк попал,
А девчонки — в классики, да к мальчишкам просятся,
Где повеселее им, где страстей накал.

Отпускник-сержантик песенками длинными
Растянул гармонику, он — король теперь,
Вспоминает финнов, Маннергейма линию,
Говорит, видал его. Врёт, поди проверь.

Где-то через дома два свадьба песней слышится,
«Риорита», Лещенко, старый патефон.
Там невеста в белом вся, как легко ей дышится,
Как легко ей верится в самый лучший сон.

Три часа до полночи, семь часов до утра,
Семь часов до выстрела, до большой беды...
До утра молодушка с молодым милуется,
Зачинают детушек в первый день... войны.

7 июня 2017 г.

ДОБРОВОЛЬЦЫ СОРОК ПЕРВОГО

Я сегодня пройду этот день, проживу через полночь,
Мне нельзя умирать, мне сегодня нельзя умирать.
Девятнадцать мне стукнет, а если точнее припомнишь,
Восемнадцать... годочек один удалось приписать.

Недолёт, поспешил фриц. Первый лёг перед нами,
Только землю швырнул, пыль на каске, на сапоге.

Это всё ничего, ерунда, пацаны не такое видали,
Только вот напряженье в ногах и колотит в виске.

Счас бы хоть на часок, на минуту... в глазу, как соринка...
Прикоснуться рукою, а как бы хотелось обнять...
Эх, подруга по парте, соседка моя, моя Нинка...
Взрыв! Сейчас перелёт... наше время — пора наступать.

И за Нинку, родных, и такую-то мать вспоминая,
Кто-то крикнул: «За Родину! Сталина!» —
громче — про мать.
Батальон в рост поднялся, ревя и врага проклиная,
Кровью харкая, падая... восемнадцатый год отмечать...

27 апреля 2017 г.

МОСКВА. ДЕКАБРЬ 1941 Г.

Город тёмных домов, где крест-накрест заклеены окна,
Обезлюдивших улиц, кварталов, мостов, площадей.
Вместо ярких реклам — лица женщин, глядящие грозно,
Призывая всех встать на спасенье сынов-дочерей*.

Только воет метель, леденящая корка асфальта.
Приближаясь, патруль оживляет промёрзший декабрь.
Цокот конских копыт в неуместном звучании альта,
Что за стенкой играл Паганини тревожный «Cantabile».

Наползает пятном тень распятого аэростата,
Небо режут лучи, растворяясь в ночной высоте.
Странно тихо и смутно. Лишь небо тревогой объято,
Сыплет снегом, качаясь в зловещей немой пустоте.

Всё! Опять началось: зуд пронзает декабрьское небо,
Хоть не видно крестов, только точно известно — они.
От разрывов зениток всё небо в мгновенье вскипело,
Вздрыгнул город, взмолился: «Мой боже, столицу храни!»

4 августа 2017 г.

* Плакат военного времени «Родина-мать зовёт».

ЖИЗДРА*

Речка малая-немалая,
Закустились берега,
Жиздра — реченька усталая —
Ловит в водах облака.

Берег левый — перекошенный,
Крест, траншеи и овраг,
Берег правый — весь заброшенный,
Лес, утёс, стоял здесь враг.

Через столько лет, наученный,
Гриб и тот засел в окоп,
Каской, ржавчиной источенной,
Прикрывает белый бок.

Мне б вдыхать просторы чистые,
Резать белые грибы,
Ощущать их, запашистые...
Только будто от стрельбы

Клõнит ельники-сосенники,
Пряча старенький блиндаж,
Да травы высокой веники,
Как боёв лесных мираж...

Распогодилось. На выселках
Пастухи погнали скот...
Лишь трава слезой не высохла,
Да река сквозь лес течёт...

14 августа 2017 г.

* Сухиничи — Козельск — Жиздра — Котовичи... — места длительных кровопролитных боёв 1942 года. Река Жиздра долгое время оставалась водоразделом — линией противостояния воюющих сторон.

Виктор Волков

г. Сасово, Рязанская область

(1941-2014)

СЧЁТ

В год войны я родился. Некстати.
Выжил... Мать не дала умереть.
Жизни каждый по счёту заплатит
За оркестра скорбящую медь.

Все счета нам оплачивать надо.
И живу я — в долгу, как в шелку.
Нет с собою ни спора, ни лада.
Что написано мне на веку?

Колосок я на жизненном поле.
Сколько зёрен моих прорастет?
Мне всего отпускается вволю.
Как оброк в непредъявленный счёт.

Срок придёт, и «Кредиты — к оплате!» —
Скажет жизнь. Это будет мой крах.
Может быть, даже очень некстати.
Подчистую расчёт! Второпях...

Надежда Гаврилина

г. Химки, Московская область

ЗЕРКАЛО ПОТЕРЬ

I

В клинике знали, что ведущий хирург онкологического отделения Денис Грозин симпозиумы, конференции и совещания не любил. А тут вдруг пришёл к главному врачу — к немалому его удивлению — и попросил не просто записать его в состав делегации на всесоюзный съезд онкологов, но и дать ему разрешение на выступление. Так прямо и сказал: «Хочу о работе своей рассказать». Главный по тону Дениса понял: значит, закончил диссертацию, но, не дожидаясь защиты, решил со своим методом лечения раковых опухолей познакомить других. До сих пор результатами его поисков и экспериментов пользовались лишь коллеги из клиники (и добились такого, что в 96 случаях из 100 после операции больные снова были трудоспособны), теперь, сделал вывод главврач, Денис обобщил семилетний опыт, и будет это его, уникальное, слово в современной медицине.

— Одобряю, Денис. Готовься. Времени тебе на выступление, я думаю, дадут столько, сколько попросишь.

II

...Его доклад длился без малого полтора часа. По тишине в зале, по следовавшим затем вопросам он почувствовал, что предлагаемый метод заинтересовал многих.

Через два дня съезда закончился. Дениса наперебой приглашали в лучшие онкологические центры страны, но он отвечал на все приглашения сдержанно: «Останусь дома, в Новосибирске».

Но домой — как раньше всегда бывало после длительных командировок — он не спешил: решил отдохнуть на море две-три недели, уже и билеты на самолёт купил. В гостиничный номер в свой последний вечер в Москве Грозин торопился прийти пораньше — настраивался на то, что хорошо

нужно выспаться, а завтра утром — с лёгким сердцем, с радужной мечтой о встрече (в сорок два года первой!) с морем и южным солнцем, — занять своё место в самолёте.

Дежурная по этажу — кокетливая стройная блондинка — простучала каблучками ему навстречу: «Товарищ Грозин, вам телеграмма. Вчера ещё получили». И, ткнув холёным пальчиком в какую-то потрёпанную амбарную книгу, попросила его расписаться.

III

За эти дни он к телеграммам привык. Присылали их коллеги и друзья, прочитавшие в «Медицинской газете» о его «революционном» прорыве в онкологии и спешившие поздравить с успехом. Каким-то чудом эти славные добрые люди вычисляли его местонахождение безошибочно и направляли свои многочисленные поздравления не только в гостиницу, где Денис остановился на время работы съезда онкологов, но и по домашним адресам его московских друзей.

Накануне он был у Кирилла, давнего приятеля институтских лет, и почти в полночь в квартире раздался звонок из Кургана — засыпала его восторгами и вопросами о дальнейших планах и перспективах развития нового хирургического метода лечения рака Леночка Новикова. Та самая Леночка Новикова, которая на первых порах боялась до жути, до дрожи в коленках входить в анатомичку, а теперь заведовавшая отделением реанимации в городской больнице. После этого звонка Грозин долго не мог уснуть.

Вспоминалось разное: как робел перед этой хрупкой девушкой, как устраивали в общежитии долгие чаепития с вареньем. Многие тогда из своих деревень и городков привозили пузатенькие баночки, наполненные земляничным, малиновым или вишнёвым вареньем, заботливо укупоренные мамами, бабушками и тётушками студентов с помощью блестящей кальки и перевязанные поверх неё суровой ниткой. Варенье, сваренное мамой Дениса, пользовалось особой любовью девчат и парней: вкуснее и душистее него не было. Сопровождались чаепития горячими дискуссиями о смысле

жизни и назначении человека, о современной морали, прочитанных книгах, театральных премьерах и потому нередко затягивались надолго, переходя в ночные бдения.

Денис вновь ощутил ту невысказанную боль, которой томилось сердце, когда Лена за месяц до окончания института вышла замуж за неизвестного им, друзьям, геолога. С ним и уехала в Курган. Почти двадцать лет не давала Лена ничего о себе знать, и юношеская любовь Дениса за это время улеглась, почти забылась, потерялась в памяти. А тут не смогла она промолчать, не заметить его триумфа и – выплеснула на него бурные потоки радости, уважения и веры в то, что все неоткрытые тайны человеческого организма Грозин непременно откроет...

Это было вчера. А сегодня, подчиняясь сильнейшему закону на земле – закону привычки, – он, войдя в номер, автоматически плотно задёрнул шторы (чтобы не было слышно шума улицы) и включил торшер (любил приглушённый мягкий свет), потом неспешно расслабился в кресле и был уже почти готов к прочтению очередной похвалы себе, как вдруг, держа перед глазами бланк телеграммы, споткнулся на голубой пометке «Срочная». Вопреки ожиданиям телеграмма была сугубо личного характера, не имела никакого отношения к его профессиональной деятельности и состояла всего из пяти слов: «Мама тяжело больна. Приезжай. Катя».

IV

Окончив семилетку, Ксения, дочь лучшего в селе столяра Гаврилы Грозина, собрала нехитрые пожитки и через лесок, поле, овражек удрала однажды из родительского дома. Лицо её выражало уверенность в правильности предпринятого шага: в городе, поди, всё чище и лучше, чем в деревне, там и кинотеатр есть, и витрины магазинов – загляденье. Вот устроится она работать, подкопит денег и купит два одинаковых цветастых платка из тонкой шерсти – один себе, другой матери. А отцу подыщет радиоприёмник – чтобы и вид имел подходящий, и цену не очень высокую. Приедет с подарками через год

в родную Поповку красивая, боевая, по-городскому модно одетая, и простят ей родители побег.

В лице её и движениях была уверенность, когда шла она тропинкой к железнодорожной станции, а сердце нет-нет да и толкнёт в грудь: «Вернись. Здесь твой дом». Ксения на эти толчки живо откликнулась, — чтобы не расплакаться совсем по-девчоночьи и не повернуть назад, — лишь прибавляла шаг, почти бежала; а когда купила билет на поезд, оказалось, что ждать его придётся почти час.

Наступило время, обозначенное в расписании, свистка же паровоза всё не было слышно. Наконец из чёрной тарелки, криво висевшей над окошечком кассы, какой-то неживой, металлический голос проскрежетал что-то длинное и непонятное. Ксения начала волноваться, обратилась к милиционеру, дежурившему на перроне, с вопросом, что было объявлено, тот безмятежно ответил, что поезд задерживается.

«Нескладно получается, — думала Ксения. — Поезд опаздывает. А вдруг это дурное предзнаменование? Может, не ехать вовсе?» Поразмыслив немного, она решила подождать ещё полчаса. Если не подкатит к тому времени зелёный состав с маленькими оконцами, она сдаст билет и возвратится домой.

Через двадцать пять минут она уже усаживалась на жёсткую деревянную лавку в вагоне, а ещё через четыре часа девушку встретил едва знакомый большой город.

Здесь Ксения была два раза с отцом: когда прошлым летом мать внезапно заболела и её положили в областную больницу, они приезжали её навещать. Неподалёку от здания больницы белели и высились одинаковые непонятные корпуса с длинными обоями окон. Заметив любопытный взгляд дочери, пристывший к непривычной для деревенского жителя картине строительства такого масштаба, Гаврила объяснил: «Швейную фабрику расширяют. Скоро будут шить наряды на любой вкус, все красавицами враз станут, как только сарафан или платье наденут, здесь пошитые».

Не скажи отец тогда про волшебное превращение простых девчонок в городских красавиц при помощи ладно

скроенных и крепко сшитых нарядов, не родилась бы, может, у Ксеньки шальная мысль переселиться в город и работать на швейной фабрике. Целый год она в себе её таила и вот теперь — на пути к заветной мечте, шагает по пыльной улице на окраину города, к фабрике.

В отделе кадров ей сказали, что нужны вахтёры в проходную и рабочие «на утюг». Вахтёром беглянка быть не хотела — из них в красавицы уж точно не выйдешь! — и твёрдо выпалила: «Я — на утюг». Кадровик взглянул на её блёклое, будто вылинявшее после многих стирок, лицо, нескладную тощую фигурку, подумав про себя — всё равно не выдюжит, сбежит, — но вслух произнёс безразлично: «Пиши заявление, Грозина... Да, общежитие тебе нужно?»

Так её приняли на фабрику и дали койку в общежитии, чему она была рада торжественно и тихо.

На следующий день новая работница Ксения Грозина переступила порог цеха, познакомилась с мастером и спустя час поняла, что её «утюг» — не трамплин для прыжка в красавицы, а сущий ад. Громадным раскалённым утюжищем, который она с трудом отрывала от стола, надо было разглаживать морщинки и складочки на лёгких воздушных платочках, предназначенных для модниц.

Едва дотянув до вечера, измученная вновь испечённая горожанка приплелась в общежитие и замертво рухнула на койку, забывшись свинцовым сном. Назавтра всё повторилось...

Через месяц-другой она почти приноровилась к непосильной вначале работе, старалась делать её с улыбкой, тихо напевая любимую песню отца: «При лужке, лужке, лужке, при зелёном поле, при знакомом табуне конь гулял на воле», — а долгими вечерами сочиняла безответные письма родителям, рассказывала о новых подругах, о том, что в городе поговаривают о строительстве трамвайной линии, а её, Ксеньку, скоро переведут «с утюга» в ученицы швеи.

Потом она писала уже, что получила разряд, что её направили учиться в вечерний техникум, делилась радостью первых сданных зачётов и экзаменов. Ответом на все

отправленные в родную деревню письма по-прежнему было мучительное, гнетущее молчание. К праздникам посылала Ксения домой свои сбережения, но через месяц деньги возвращались – простить её или не хотели, или не могли. Непрощённой и непрощеной заявиться в родительский дом не могла она, и потому впитывала в себя нафталин давно купленная для матери шаль, щебетал на столе приёмник, о котором, возможно, до сих пор мечтал отец.

В безнадежном ожидании прощения Ксения провела шесть лет. Неизвестно, сколько бы оно длилось ещё, если бы...

V

...Если бы не война – тяжкая, зловещая разрушительница и убийца, – их фабрика продолжала бы шить новомодную женскую одежду. Теперь её сменили гимнастёрки и брюки для красноармейцев. Работать стали круглосуточно, в две смены по двенадцать часов. Поубавилось мужчин на фабрике – почти все механики, наладчики, электрики и шофёры ушли на фронт. Кто в регулярные части, кто в ополчение.

И нежные женские плечи должны были превратиться в выносливые, твёрдые, литые, чтобы справиться с обрушившейся бедой и невероятной нагрузкой, чтобы заменить тех, кто был в боевом строю. Забегая вперёд, надо сказать, что это и произошло в чёрное время войны, но чего это стоило девушкам и женщинам, ведомо только им.

В один из первых дней июля, когда Ксения собиралась на работу, раздался чуть слышный стук в дверь. Она пошла открывать и на пороге застыла в оцепенении – перед ней был отец: «Проститься, Ксюша, пришёл. Завтра отправляют на фронт». На её немой вопрос он, Гаврила Грозин, привыкший к степенности, ответил неспешно, с расстановкой: «Добровольцем иду... Добровольцем... Не время греть кости на печи да за баб прятаться. Война – она для всех война, коль мужиком родился».

До смены оставалось совсем немного времени, в комнате сидел в пропылённой рубаше, яловых сапогах и широких

галифе, оставшихся ещё с гражданской, её гордый отец, которому Ксения хотела сказать самые тёплые, сердечные слова — чтобы и её лихом не поминал, и себя берёт, и... — но вместо этого она, как в детстве, уткнулась ему в плечо и мучительно, беззвучно разрыдалась.

Тогда, кажется, на всю войну вперёд наплакалась: будто чувствовала, что уже зимой придёт на отца похоронка. Красноармеец Грозин погиб, защищая столицу на южных подступах в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова. Того легендарного корпуса, который одержал победу над 2-й танковой группой Гудериана. Словно загодя хотелось Ксении выплакать все слёзы, словно знала она, что до лета сорок второго будет мучиться разбитая параличом после этого известия мать, а дети, один за другим, начнут пухнуть от голода, и из семи до Победы доживут только двое.

VI

...Не будь войны, родная мать Дениса не погибла бы во время бомбёжки. Они двигались из Белоруссии на восток — люди, лишённые крова и хлеба, — надеясь найти где-нибудь тихое небо, но многие из них находили вечную тишину. Как его мать. Оставив на обочине дороги детей под присмотром старшей дочери Кати, мать пошла в поле, чтобы принести ребятишкам по золотистой шляпке мягкого, не вызревшего ещё, и поэтому сладкого подсолнечника. Вскоре после этого в небе появились немецкие самолёты и, против обыкновения, начали бомбить не дорогу, а поле. Спрятаться от этого ужаса было некуда, Катя увлекла брата и сестёр в придорожную канавку, где они и отлёживались до конца налёта.

Мать не вернулась тогда, когда солнце было уже в зените, и вечером, и ночью. На следующее утро они нашли её в поле: мёртвая, застывшая в неестественной позе на земле, она прижимала к груди подсолнухи.

Рыть могилу было нечем — да и кому: ребята мал мала меньше, — поэтому под руководством Кати, внутри которой словно был установлен своеобразный автопилот,

чеканивший командные слова, они наломали подсолнечника, прикрыли им холодное, ставшее чужим тело самого родного человека и молча побрели дальше.

В каком-то городе, после долгих дней пути, они, вконец оборвавшиеся, грязные, босые, голодные до полного изнеможения, были добрыми людьми пристроены к детдому, эвакуированному вглубь страны.

VII

Та самая больница, в которой когда-то лечилась мать Ксении, с началом войны неузнаваемо изменилась. Сперва она была переоборудована под тыловую госпиталь, а к концу сентября сюда переехал ещё и эвакуированный детский дом: другого подходящего для него места в городе подыскать не могли. Красноармейцы с перебинтованными руками, головами, на костылях — в одном конце двора, дети с потухшими глазами, едва слышными голосами — в другом.

Ксения каждый день проходила мимо бывшей больницы, и сердце её всякий раз сжималось, когда она видела неизменно застывшего у калитки малыша лет двух. Он был бледен, худ и стрижен наголо, как все дети. Он был угрюм и закодирован недетской бедой. В огромных глазах, похожих на полевые весенние проталины, стояли невыплаканные слёзы.

Продолжать ходить дважды в день мимо мальчугана с опущенными от горя плечами и поникшей скорбной головой было выше её сил, и однажды Ксения, приблизившись к нему, срывающимся голосом спросила: «Пойдёшь ко мне жить?» Реакцией детдомовца на слова Ксении был неожиданный взрыв радости: «Мама! Ты проснулась! Ма-ма-а-а!» Откуда-то выросли шесть девочек, постарше, как капельки росы похожие между собой и на ликующего мальчишку, и встали за его спиной немо и твёрдо. Они не пытались его разубедить в том, что Ксения — их мать. Она им была нужна. И они готовы были поверить в то, что произошло чудо: их мама снова рядом с ними.

Ксения поняла — брат придётся всех, это одна семья.

* * *

Притихшие ещё больше обычного, нахохлившиеся, они стояли посреди просторной кухни, вдыхали вкусные запахи хлеба, топлёного молока и дома, боязливо смотрели по сторонам. Неделю назад забравшая их из детдома молодая женщина доставила теперь всех в деревню, по-хозяйски распахнула дверь и сказала: «Бабушка, вот и внуки твои приехали...»

Эта не виданная раньше никем бабушка тихо заплакала, перекрестилась и стала их раздевать.

Когда дети были вымыты, накормлены и уложены спать, Ксения рассказывала матери виноватым голосом о том, как она нежданно-негаданно в один день обрела шестерых дочерей и сына, как хотела жить с ними вместе в фабричном общежитии и как вскоре стало ясно, что это невозможно. Единственный путь спасения и надежды привёл её после долгой разлуки в дом, из которого пятнадцатилетней девочкой она сбежала тайком в город.

Кивая головой и продолжая беззвучно плакать, мать слушала Ксению, понимала и прощала за прошлое.

В августе сорок второго мать Ксении, промучившись почти девять месяцев без движений и слов, умерла. Не смогли увидеть прихода весны Люба, Глаша, Анюта, Тоня и Настя. В доме Ксении остались старшая Катя и младший Денис.

* * *

Став старше, Денис понял, почему тогда мать так безутешно плакала ночами: казнилась, что забрала сирот из детского дома и не уберегла.

Не её это была вина... Шла война.

VIII

...Грозин, мгновенно отяжелев, едва сумел подняться из кресла, собрался и вышел из гостиницы — нужно было сдать билет южного направления и во что бы то ни стало раздобыть другой, на завтра же. Это ему удалось.

К вечеру следующего дня — самолёт, электричка, автобус, и окна в их расписании заняли ни много ни мало

двенадцать часов, — он подходил к дому, где не был с юности. После окончания десятилетки приезжал всё как-то наскоком: то служба в армии, то институт, ординатура, аспирантура, женился, дети часто болели, с женой не всегда ладил и всегда много работал — словом, не выкраивалось время, чтобы приехать к матери, помочь, просто посидеть с ней и поговорить. Успокаивал совесть свою тем, что не одна она там, Катя в том же селе живёт, на соседней улице.

Мать, с прозрачным, изломанным в вымученной улыбке лицом, поднялась ему навстречу: «Сынок, Денис, ты ли это? Радость-то какая! Гостей зовите в дом...» Договорить ей не дала боль, которая отбросила воздушное, немощное её тело к стоящей рядом дочери. Послав за фельдшером, Денис начал судорожно перебирать таблетки в домашней аптечке. Попадавшиеся на глаза лекарства подтверждали мелькнувшую в первые же мгновения встречи догадку: у матери рак. Он потерял самообладание врача, сыновья растерянность, боль, испуг и пустота заползли в душу.

Фельдшер принёс с собой стерилизатор, шприц, иглы — видно, не в первый раз за ним прибегали из этого дома. А он, Денис, известный онколог и самый близкий человек, не шёл ей на помощь. Облегчали страдания матери чужие люди, бывшие с ней рядом.

Сделаны инъекции, наступление боли отбито, мать спит.

Промучившись ночь без сна, Денис, наскоро позавтракав, направляется в новую сельскую больницу, встречается с главным врачом и обстоятельно обсуждает положение, слушает прогнозы коллеги. Решение приходит внезапным озарением: «Буду делать операцию. Сам». В заключение беседы, досконально изучив результаты анализов и рентгенограмму, сообщает главврачу своё решение. Тот не противится, говорит, что наслышан о методе, разработанном Денисом, верит, надеется и т.д. и т.п.

Елейный щебет главврача он прервал:

— Запишите адрес, фамилию и текст: «Нужен полный комплект». Отправьте срочную телеграмму. Операция через неделю.

За семь дней пришли необходимые препараты из его клиники, он как мог подготовил мать к операции. Знал, что у него есть один шанс из ста на спасение её жизни, и его он хотел использовать.

А мать, очутившись на больничной койке, не переставала работать: в её мраморных руках мелькали спицы. Они между делом подолгу разговаривали, вспоминали прожитое и пережитое вместе.

IX

...В сорок седьмом, в голод, они сумели сберечь свою Дочку-кормилицу, которая круглый год давала в день по ведру молока. Им и жили. Парного молока, правда, не пили вдоволь, топлёное же в чугушке в русской печке, с румяной пенкой и душистое до головокружения молоко и вовсе стало праздничным угощением. Налог на корову доходил до половины заработанной Ксенией за год суммы. Чтобы сводить концы с концами, продавала она молоко, сметану и творог на рынке. На вырученные деньги покупала детям по очереди поношенную одежку там же, на рынке, с рук, а иногда удавалось и пряничков принести к чаю.

В любую погоду каждое воскресенье, ещё затемно, вскидывала через плечо сумки наперевес и несла их семь километров до ближайшего городка, на рынок. Молоко — весь вечерний и утренний удой — разливала по приготовленным заранее бутылкам, укупоривала белыми бумажными пробками, скрученными из листов старых школьных тетрадей, творог и сметану раскладывала по глиняным махоткам. Оборачивала каждую посудинку мягкими тряпочками, чтобы не разбились при неминуемых ударах друг о друга во время ходьбы по извилистым тропкам.

Однажды после ночного ливня дорожки не успели просохнуть, и Ксения поскользнулась на крутом спуске в лесу, упала. Вся посуда разбилась, нести на рынок было нечего. Осколками порезала руки, вывихнула ногу. Прихромала домой поздно, в слезах. Да что делать? Дети нарвали опорезанной травы (так у них издавна называли тысячелистник),

Ксения, потеряв пальцами пушистые веточки растения до появления сока, смазала им раны, а утром, перевязав покрытые сукровицей руки чистой тряпочкой, пошла на работу, тяжело приволакивая вывихнутую ногу.

В тот день от работы её освободили, да на следующее утро она пришла на скотный двор: надеяться было не на кого.

Овец держали не столько ради мяса, сколько ради шерсти. Мать умела шерсть тонко напрядь, как-то по-царски, с прямой спиной сидя за прялкой вечерами, она напевала всё ту же песню про коня, который гулял на воле. Потом сматает пряжу в клубки, спицы достанет и начнёт петли набирать. Без суеты, с любовью вязала. Положит на коленки связанное полотно, как бы любуясь, пригладит его рукой и снова вяжет. Носки, перчатки, варежки, свитера, кофты и шапки — всё у неё получалось красиво.

К слову сказать, связанная Ксенией одежда не только согревала детей в непогоду, но и выделяла их среди ровесников — так была хороша! А уж какие костюмчики-блузочки-юбочки-платьца она им перешивала из оставшегося материнского и отцовского добра — загляденье, будто из самого модного магазина привезены! Пригодилась, выходит, наука, полученная ей на фабрике и в техникуме (перед самой войной Ксения его окончила и получила диплом модельера-конструктора верхней одежды; хотела и в институт потом поступать, да не сбылось)...

Х

В полую воду сорок восьмого пришла в дом беда: их односельчанин Макар, который к Ксении не раз сватался и всегда получал отказ, задумал чёрное дело, обокрасть её с детьми решил. Овец зарезал и освежевал прямо на дворе, а Дочке лапти надел (чтоб никто не догадался, как и куда корова из хлева вышла), со двора вывел и у речки, что за домом протекала, зарезал её. Так бы и увёз на саях награбленное, да кобылка его кровь учуяла, заржала, и второй раз, и третий. Ксения вышла из избы, метнулась на двор, а там «женишок» туши овечьи на спину

закидывает. Закричала Ксения, запричитала в голос. Макара сильный был, молодой, с двумя овцами на спине со двора выскочил, в сани прыгнул, да лошадь понесла, не успел он за вожжи ухватиться.

Нашли потом по следу у дальнего леса неживого Макара (Бог его наказал за жестокое сердце: не удержался в санях на крутом повороте — кобылка-то шибко бежала, — вылетел, ударился о могучий дуб, да и умер тут же), а неподалёку и те освежёванные им овечьи туши лежали. Их даже волки не унесли: не их добыча.

От Дочки остались только лапти на бережку. Кто, когда и как умыкнул коровью тушу, было загадкой.

Колхоз Ксении помог. По решению правления выделили ей тёлочку да двух ярочек. Так и встали снова на ноги.

О городе Ксения Грозина больше не помышляла: где родился — там и в дело годился. В колхозе прижилась: за лошадьми ходила, на ферме работала, в поле: и снопы вязала, и солому скирдовала, и зерно на току сортировала. Словом, где руки были нужны, там и она была.

Больше всего в жизни радовалась успехам детей: Катя после окончания института вернулась в родное село, преподаёт в школе, Денис — хирург, про него теперь вся страна знает. И так она была благодарна судьбе за то, что в лихую военную годину она ей сделала подарок, свела с детьми, которые нуждались в её ласке, любви и помощи, что и сейчас бы, повторись всё с начала, поступила бы точно так же.

XI

После уколов и процедур, оставшись с Денисом наедине, мать благодарила его за присланные когда-то нехитрые подарки, журила незлобливо за денежные переводы (мол, мне и так на жизнь хватает, да хозяйство своё ещё имеется), интересовалась здоровьем снохи и учёбой внуков, его наукой, домом и друзьями. Денис из молчуна превратился в мягкого, сердечного собеседника, который всем своим поведением демонстрировал оптимизм: он надеялся, он хотел верить в её долгий век.

Вера померкла в первый же час операции: было её делать слишком поздно, — и хотя он — Грозин, но не Бог, не чудотворец. Всё изобретённое и опробованное в клинике он уже применил, попытавшись вдохнуть жизнь в её безвольное бессильное тело. Если бы на полгода раньше!..

После операции мать не приходила в сознание. Три недели она была на невидимой грани между потусторонними мирами и землёй. Она как бы улетала, но никак не могла оторваться от тех, кого так любила и берегла, цеплялась холодеющим дыханием за них и потому жила ещё.

Денис сутки напролёт проводил около её постели, ставил капельницы, следил за приборами, гладил её красивые руки, просто смотрел на материнское лицо, непривычно спокойное, с голубовато-белой кожей в обрамлении давно уже поседевших волос. И знал, что это — конец.

Она ушла тихо, без стонов и вскриков, на рассвете. Её похоронили рядом с бабушкой и сёстрами Дениса. Справив поминки, он спешил из холодного, осиротевшего дома в Новосибирск. Укладывал вещи и вдруг наткнулся на свёрток, который в день операции со словами «Посмотришь потом, когда будешь забирать меня отсюда» дала ему мать. Развернул бумагу и увидел мягкий пушистый шарф (его мать вязала в больнице, он сразу узнал), к которому была булавкой приколата коротенькая записка: «Боялась, что не успею, но Господь помог... Береги себя, сынок!»

Значит, всё понимала! И готовила последний в жизни подарок. К тем многим и многим, что она привыкла делать ему, Кате, их домашним, она хотела прибавить ещё один. Она успела.

А он — опоздал. Опоздал с любовью, заботой, нежностью прийти к ней сам, а не по телеграмме. Опоздал на полгода и навсегда к самому главному человеку в своей жизни. Пришёл тогда, когда уже был бессилен помочь.

Утром он сел в поезд, и колёса его жестоко донимали, корили, пробираясь стуком к самому сердцу. Они неустанно твердили: «Не успел — потерял». «Не успел — потерял...»

ДЕНЬ ПОБЕДЫ (Быль)

*Платонову Василию Михайловичу
посвящается*

Хорошие песни – не просто стихи и музыка. Они – отражение жизни.

Это произошло 9 мая 1945 года. Шустрый вихрастый мальчишка девяти с половиной лет от роду сидел на крыльце, посматривая по сторонам. Утро было серенькое, неприметное, какое-то даже не очень приветливое. Накрапывал дождик – монотонный и, казалось, бесконечный.

По расхлябанной грунтовой дороге, что хуже бездорожья, спотыкаясь, падая, скользя босыми ногами по глинистому месиву, пытался бежать паренёк. Он что-то кричал, размахивал руками, стараясь привлечь к себе внимание, да на улице кроме того мальчишки, что сидел на крыльце, никого не было. И паренёк, поравнявшись с ним, прокричал что было сил: «Победа! Война кончилась!»

Вася так долго ждал этого дня, что, когда он наступил, не сразу в это и поверил. А поверив, побежал в избу, рассказал о том, что услышал, младшему брату и сестре и снова вернулся на крыльцо. Как на самый важный пост, который нельзя ни при каких условиях оставлять надолго.

Он сидел на мокрых ступеньках и мечтал о том, как с фронта вернётся отец; видел себя, Виктора, Любу рядом с ним, видел мать, занимавшуюся стряпнёй на кухне. На этих картинках почему-то не было средней сестры Ани.

Белокурая худенькая Аннушка сильно болела в последнее время, ночей не спала и всё плакала, обхватив голову руками. Сельский фельдшер Михаил Евгеньевич частенько захаживал к ним, осматривал сестричку, давал ей какие-то пилюльки, да не помогали лекарства. Мать отвезла девочку в райбольницу неделю назад, а сегодня с раннего утра, попросив накануне у председателя колхоза лошадь, поехала её навестить. И что же она так долго не возвращается?

Не знал Васёк, сколько часов он просидел на крылечке, но в какой-то момент скорее почувствовал, чем увидел, приближение лошади, запряжённой в телегу. Вася вскочил на ноги и стремглав помчался навстречу. Он, ослеплённый радостью Победы, не сразу заметил, что мать, Василиса Ефимовна, медленно, скорбно, едва переставляя непослушные ноги, бредёт рядом с телегой, в которой что-то лежало. Обняв мать, мальчуган радостно выпалил: «Победа!» – и только тогда увидел, что по её постаревшему в одночасье лицу катятся безудержно слёзы.

...Аня умерла на рассвете от менингита. Это её тельце везла в телеге измождённая лошадёнка.

«День Победы – это праздник со слезами на глазах»...
Лучшие песни – правдивые песни.

Село Оленьково Тульской области

Дарья Гальцова

с. Старый Курлак, Воронежская область

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ

В жизни каждого человека наверняка бывают встречи, забыть о которых просто невозможно. Они врезаются в память, будоражат мысли, не дают уснуть! В них вдруг находишь ответы на вопросы, которые давно не давали тебе покоя. Такой памятной встречей стала для меня беседа с ветераном Великой Отечественной войны, бывшим учителем Константином Яковлевичем Колмаковым.

А произошло всё, как всегда, неожиданно и просто: вручение от школы поздравительной открытки участнику войны.

Уже потом я долго думала над тем, почему мне, да и моим сверстникам тоже, обязательно нужны толчки извне, почему не сама догадалась? Почему?.. Почему?..

Разговор с этим человеком очень увлёк меня. Передо мной постепенно разворачивалась грандиозная панорама событий «сороковых-роковых», открывалась биография человека, чья судьба совпала с историей своей страны.

По-военному чётко начинает нашу беседу фронтовик:

— Я, Колмаков Константин Яковлевич, родился в селе Новый Курлак на улице Речная, 11 июня 1922 года.

Невольно ловлю себя на мысли: «Ему уже за 90... Не верится... Сохранилась военная статья, ясность мысли».

— А о чём вы мечтали до войны, Константин Яковлевич?

— Хотел стать лётчиком. Тогда многие мальчишки об этом мечтали. Я даже прошёл комиссию, оформил документы и отправил в Серпуховское военное училище. Но в августе 1939 года получил извещение, что в связи с тем, что мне не исполнилось 18 лет, зачислен быть не могу.

— А вы помните, как началась война?

— Конечно. Помню...

После этих слов я взглянула вновь на лицо ветерана и... О Боже! Вот они — глаза шолоховского героя, «словно присыпанные пеплом». Тоска, боль, тревога — всё было в них.

— Я помню это лето. Июнь 1941-го застал меня в Воронеже. Я отправился туда на заочную сессию в педучилище.

22 июня я решил пойти отдохнуть в кинотеатр «Пролетарий». Шёл фильм «Песнь о любви». Трамвайная остановка была на площади перед громкоговорителем. Вдруг в громкоговорителе щелчок: «Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза. Через несколько минут слушайте сообщение... Молотова». 15 октября 1941 года я получил повестку явиться в военкомат в Садовое. И пошёл...

И пошёл русский солдат отсчитывать свои фронтовые вёрсты.

Теперь, когда я слышу из уст простого солдата названия тех городов, посёлков, деревень, через которые он шёл, я совсем иначе начинаю понимать слова из известной песни: «Пол-Европы прошагали, полземли...»

Елань-Колено, Курск, Вальск, Привольск, Могилёв, Москва, Калинин, Сталинград, Поворино, Панышино, Камышин, Казань, Масловка, Воронеж, Борисоглебск. И везде он — мой земляк, мой герой, мой солдат! Вот он устраивается в попутных сёлах на ночлег, вот он в землянке, вот мёрзнет зимой в овраге, роет окопы, строит шалаши, идёт по лесам и болотам. Неужели это всё ОН? Это же только в книжках!.. Так не бывает! Не может выдержать всё это простой человек! Или может? Тогда что же ему помогает? Что даёт ему силы не сломаться, когда он несёт на своих плечах станковый пулемёт (станок — 32 кг, тело (ствол) — 24 кг, щиток — 12 кг, ящики с патронами по 8 кг). Каждый боец нёс попеременно что-то из частей пулемёта «Максим». А ещё винтовку со штыком, противогаз, скатку из шинели, вещмешок? Ответ на мои вопросы оказывается до боли прост. «Мы шли защищать Родину», — говорит Константин Яковлевич.

Не знаю, в какой момент рассказ солдата перерастает в исповедь. Открыто, без утайки, как на духу... Я вижу, как важно для него поделиться пережитым и сокровенным. Он не пытается приукрасить себя, он говорит, как было.

— Станция Привольск. Там стояло эвакуированное военное училище из Могилёва. Я в нём учился до мая 1942 года. Трудно было. Морозы были сильные. Головы покрывали только пилотки. А всё изучалось на улице, в каком-нибудь

овраге. Ведь тесно было в казарме. В 2—3 этажа спальные места. Питание курсантское, но по сокращённым нормам. Например, манная каша с изюмом, но две ложки. Молодому организму не хватало питания. Иногда мы после еды сразу становились в очередь за добавкой. Однажды стою за добавкой, оглянулся назад, а за мной стоит Макаров Иван Ильич (дедушка вашего учителя Макарова Н. А.). Я его знал, конечно, земляки. Узнали друг друга, обнялись. Он здесь был на трёхнедельных курсах политбойцов. После этой встречи больше не виделись до конца войны. Я и он остались живы.

— Константин Яковлевич, — спрашиваю я, — а вы видели немцев? Вы участвовали в настоящих сражениях?

— Да, видел... И в бою быть довелось. Я служил в пехоте. Был ранен на третий день. 23 августа 1942 года нашему 74-му полку приказали вступить в бой. Панышино — стратегически важный объект. Если попадёт в руки врага, Сталинград лишится связи с другими городами. Утром приказали нам атаковать. Зарядил пулемёт. Глянул — немцы метрах в двухстах. Идут во весь рост, засучив рукава. Это была психическая атака. Нас было мало, увидев немецкую цепь солдат, мы открыли огонь. Вдруг взрыв, пулемёт перевернулся вверх, а из правой кисти руки — кровь. Указательный палец повис, и второй палец сильно повреждён. Я хотел подняться, но невероятная боль в руке не дала.

Я быстро кинула взгляд на его руку... Вот она, живая история, открывается прямо передо мной. Мне видно, как волнуется рассказчик, как трудно ему вспоминать, но он продолжает:

— В начале ноября 1942 года я был комиссован.

Но если вы думаете, что на этом война для Константина Яковлевича закончилась, то ошибаетесь.

— Меня направили служить в запасной полк около Воронежа, в селе Масловка.

— А как вы узнали о победе?

— С 11 июня 1944-го по 8 мая 1945-го я служил в том полку. 8 мая улеглись в казарме, чтобы отдохнуть. Примерно в 4 утра, когда мы спали, вдруг щелчок и включилось радио (лопух). Голос Левитана сообщил, что в пригороде Берлина

подписано соглашение о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Правительство СССР объявило 9 мая всенародным праздником – Днём Победы. Наконец-то кончилась война!

Через некоторое время подъём и приказ строиться. Нам объявили о конце войны и сообщили, что получено распоряжение получить новое обмундирование и отправить нас на парад в честь победы в город Воронеж. Мы оделись, сели на машины и поехали. Там нас построили, и мы торжественно промаршировали перед трибунами, на которых находилось местное командование. Так окончилась война. Нас направили на новое место дислокации в город Борисоглебск. Продолжал служить.

Потом приказ демобилизовать солдат-учителей, школы имели большой недостаток учительских кадров. И я как учитель был демобилизован 16 октября 1945 года. Так была закончена моя военная эпопея. Началась гражданская жизнь.

– Константин Яковлевич, а хотели бы вы прожить свою жизнь по-другому? Можете ли назвать себя счастливым?

– Счастливым? Наверное, да. Ведь я выжил в такой страшной войне, прожил достойную жизнь, длиною в 92 года. Учительствовал. От простого учителя истории и географии дошёл до директора школы.

– А кем бы вы, кроме учителя, хотели стать?

– Спрашиваю себя, и дети спрашивают меня: кем бы ты, кроме учителя, хотел стать? У меня было две попытки приобрести другую специальность: лётчика и партработника. Теперь считаю, что если бы заново начал жить, ни за что бы не променял свою учительскую профессию. Сросся и привык вращаться среди детей. Приобрёл опыт и знания быть руководителем школы.

После этого интервью я долго не могла успокоиться, вспоминая слова Константина Яковлевича. И «три хорошо», которыми закончил свой рассказ ветеран, я точно возьму в жизнь:

«Хорошо учиться, хорошо трудиться, хорошо жить».

Светлана Гордеева

г. Муром, Владимирская область

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Горела Родина в огне,
Но шёл солдат к Победе смело,
Чтоб по отеческой земле
Нога врага ходить не смела.

Сквозь бой летело: «Жди меня!»
Кровавою была дорога.
Отчизну-матушку храня,
Солдаты обращались к Богу.

О, сколько жизней унесла
Война за страшные те годы.
Она Священная была
Для всей России, для народа!

* * *

Шагают наши ветераны,
Блестят на солнце ордена.
Незаживающая рана
Для них — Священная война.

Их остаётся очень мало,
И не должны мы забывать:
Они Отчизну защищали,
Готовы были жизнь отдать.

И голова давно седая,
И быстро ноги устают.
Но в светлый день в начале мая
На площадь всё-таки придут.

Здесь ждёт их друг-однополчанин,
Застывший в камне на века.
Он всех торжественно встречает,
Хотя война давно прошла.

Поклонимся и мы солдату,
Который рядышком живёт.
Теперь солдат не с автоматом,
Да просто он вниманья ждёт.

И вновь гремит салют победный,
И снова слёзы на глазах.
Живёт в нас вера и надежда,
А день весь порохом пропах.

ТРИНАДЦАТАЯ ШКОЛА

Наша школа поры довоенной,
Помнят стены твои лихолетье.
В сорок первом пошли, несомненно,
На войну повзрослевшие дети.

Наша мирная, дружная школа
Очень быстро вдруг стала больницей
И военные тайны хранила,
К нам бойцов привозили лечиться.

Медсестрички не знали покоя,
И катилась слеза по щеке,
Но учитель вернулся из боя
И, как прежде, встал к школьной доске!

Нам досталось счастливое детство,
В наших классах светло и уютно.
Нам историю дали в наследство,
Мы встречаем прекрасное утро!

Владимир Ерош

г. Луховицы, Московская область

* * *

Весёлых ромашек поле бескрайнее.
Духами соцветий зефир дурманил.
Дрожало над полем солнца дыханье,
Вилась дорожка в голубые дали.

На островке бесконечной вселенной
Было особенно легко и светло —
Резвились девочки нагишом откровенно,
Мелькали бантики над полем цветов.
Тихо звучала июля симфония...
Как вдруг по небу слепящим сполохом
От горизонта к зениту — молния!
С запада резко дохнуло порохом.

Справляем по умершим панихиду —
Много над ними слёз и речуг.
Простите усопшие, вам не в обиду, —
Я о живых исповедать хочу.
И продолжаю о девочках маленьких...
Зима скрежетала полозьями холода.
Зверела зима! Но спасали валенки.
Теперь бы выжить... и выжить в голоде.

Дорога жизни и смерти — Ладога!
Где ты ещё на земле проложена?
О, ты мне врезалась в память надолго —
Тогда я поверил в милость Божью.
На трассе Ладоги живые с мёртвыми
Перебинтованы ветрами Балтики.
На трассе дети вконец измотаны,
Ещё живые в потёртых ватниках.
Швыряет ветер шрапнелью снежную,
Свирель метели в позёмках мечется.

О, дети, дети — ещё вы не жили,
Чтоб здесь, в метели, со смертью встретиться.
А дети шли, продвигались ощупью.
Куда! Куда вы, кутята глупые?!
Но ветер злился — всё резче, резче бил
В глаза, за ворот хлопьями крупными.
Швырнуло ветром девочку старшую!
— Ой, как тепло, не страшно нисколько...
И тут же рядом упала младшая.
— И мне не страшно нисколько, нисколько...

И вдруг, о чудо! Двоих, невесомых,
Их подняло, понесло над ледовищем —
Блаженство лёгкого лёта — не сон ли?
И с плеч долой суету и рубища...
Как будто поле цветов бескрайнее,
Духами соцветий зефир дурманит,
Дрожит над полем солнца дыханье,
Вьётся дорожка в голубом тумане,
И видят сверху два тёмных пятнышка.
Но кто-то тянет детей с полёта,
И тормозат их, уснувших рядышком,
Чужие дяди, чужие тёти...

О, как чудовищно в тело вернуться!
Куда страшнее в реальность возврат.
И в этом мире снова проснуться,
Чтоб оказаться в метели опять.

Сорок второй. Дни задымлены думами.
Война разрасталась, железом хрустя.
В ночь уходила дорога под дулами,
Взвывая, охая и свистя...

Екатерина Есина

г. Санкт-Петербург

ИСПОВЕДЬ

В январе 50-го года, в аккурат перед своим днём рождения, Александр Александрович Коршунов получил от жены Надежды замечательный подарок. Почти в 40 лет, когда доктора, понуро разводя руками, поставили ей страшный для любой женщины диагноз — бесплодие, Надежда совершенно неожиданно родила ему дочку. Девочку решено было назвать Танечкой, день рождения и именины у ребёнка приходились на 25 января, 26-го был день рождения у Александра Александровича, а 27 января они с женой отмечали очень важный для них праздник — снятие блокады Ленинграда. Получив ранение ещё во время Гражданской войны, Александр Александрович Коршунов в 41-м не был мобилизован и работал в тылу на Кировском заводе. Там же работала и его жена. Всю блокаду они провели в городе, жили совсем близко от линии фронта. Буквально в 15 километрах в посёлке Мартышкино уже хозяйничал немец. Вспоминать, что было с ними в войну, — не хотелось, забыть — было просто невозможно.

Подростающей Танечке очень нравились январские посиделки у родителей: гости приносили ей гостинцы на день рождения и именины, поздравляли папу, пили за Победу, за непокорённый город, за мир. Танечка не совсем понимала почему, но, уходя, многие подходили к слегка захмелевшему папе и, обнимая его, плакали и абсолютно непонятно за что благодарили. Ну, наверное, за хороший вечер, за что же ещё?

Когда Таня училась уже в старших классах, в школу стали часто наведываться ветераны войны. Рассказы о героических событиях были интересны подросткам, но в основном касались военных действий. То, что иногда слышала Танечка, когда к родителям по-прежнему приходили их друзья и знакомые, касалось в основном бытовой стороны.

Так, одна из маминых подружек наотрез отказывалась есть кролика: «Уж больно на кошку похож». Танечка не удержалась и как-то спросила:

— А вы что, ели кошек?

— И не только, — невесело улыбнувшись, сказала женщина.

Что скрывалось за этим «и не только», для Танечки так и осталось загадкой. По рассказам родителей было понятно, что выжить в городе было очень непросто. При желании, конечно, можно было достать дефицитные продукты, вопрос был только в цене. Так, мама, желая порадовать папу, на день рождения в 42-м продала какой-то свой фамильный перстень и купила на чёрном рынке паюсной икры. Впрочем, быть уж очень полным и розовощёким было достаточно опасно, особенно для женщин и детей.

Мамину двоюродную сестру, работавшую на хлебозаводе и имевшую возможность съесть больше хлеба, чем другие, чуть не съели людоеды. За ней гнались с вилами пол-улицы и уже почти догнали. Поскользнувшись, она упала и готовилась к смерти. Помог случайный патруль, курсирующий между домами. Поняв, в чём дело, людоедов просто застрелили на месте.

Все эти рассказы маленькая Танечка всегда слушала с замиранием сердца. Но то, что она узнала от умирающего отца, когда ей было 18, стало для неё настоящим потрясением. Мать уехала тогда в командировку, а у отца началось обострение давней болезни.

Александр Александрович умирал долгой мучительной смертью. Сказывались раны, полученные во время Гражданской войны. Ему было тяжело дышать, он задышался, хрипел.

— Танечка, — позвал он плачущую от горя дочку, — подойди ко мне, ты должна знать. Я должен тебе кое-что рассказать, исповедоваться, что ли... — Александр Александрович тяжело вздохнул, переводя дыхание.

— ...В 41-м, когда началась война, никто не думал, что это так затянется. Мы надеялись, что правительство предпримет меры и война скоро закончится. Наивные были, молодые, —

здесь Танечкин отец невесело усмехнулся и тяжело задышал.

— Но некоторые люди понимали, что всё может плохо обернуться, запасались продуктами. Мы с твоей матерью ничего не приобретали впрок, думали, что всё обойдётся. Тем временем продовольствие в городе исчезало, дефицитными становились элементарные продукты. У меня был товарищ, он работал в продовольственном магазине у нас в Автово. Перед уходом на фронт он позвал меня к себе в магазин, из-под полы достал продукты, вручил санки и сказал: «Покупай сколько хочешь муки, сахара, масла. Отвезёшь к себе домой на санках». Внимательно так на меня посмотрел: «Шура, не думай ни о чём, я хочу, чтобы ты выжил». И... я взял. Привёз всё это домой, Надя поохала, мы куда-то всё спрятали... Я распределял потом продукты между соседями, родственниками, все выжили. А товарищ мой, как я потом узнал, был убит буквально в первый месяц нахождения на фронте. Он был настоящим героем, а я нет.

Александр Александрович опять страшно захрипел.

— Вот я и исповедовался, доченька, теперь и умирать не страшно.

— Папа, ты даже не представляешь, какой ты герой, — произнесла, стараясь не плакать, Таня. — И ты всегда останешься героем — и для меня, и для всех людей, которые выжили благодаря тебе.

Татьяна Железнякова

г. Бор, Нижегородская область

ПОЖЕЛАНИЕ

Моей бабушке, участнице Великой Отечественной войны,
Зуевой Раисе Ивановне

Непонятым казалось в детстве
Пожеланье в открытке одной:
«Счастья тебе, милая внучка:
Неба мирного над головой».

Раньше вовсе не ощущалось,
Что когда-то была война,
И слова живые читались
Как обычные просто — слова.

В добром детстве всё было ясным,
Озарённым улыбкой, простым,
Облака — белоснежно-белыми,
Чудо-небо — всегда голубым...

Но исчез однажды внезапно
Золотистых видений дым,
И, проснувшись, я поняла вдруг:
Небо может быть и другим!

Леденящим ветром повеяло
От жестокого слова «война»,
Отпечаток страшного времени
Не смывает жизни волна...

И под сердцем заняла колючая
От несказанных мыслей боль...
Да... это счастье, бабушка,
В мирном небе над головой!

ДОЛГАЯ ДАТА

На книге написана строгая дата:
«Война. Сорок первый тире сорок пятый».
Две грустные цифры, и боль между ними:
Безмолвные слёзы навечно застыли.

И там, далеко, за огнями огней,
Осколками время — тогда и теперь...
И слышится шёпот дрожащий: «Где папа?»
И вижу в окопе седого солдата:

— Вставать и идти... Не терять жизни нить...
Затянется рана... И жить! Просто жить!
Нет, смерть, уходи, я слишком упрямый,
Меня ждут жена, сынишка и мама.

Нет, мы не сдадимся. В атаку, ребята!
И голос слышнее: «Я жду тебя, папа...»
Вдруг вспышка. Мгновенье. И... тишина...
Вне времени страшное слово — «война».

Марина Красавина

г. Коломна, Московская область

ПОЖЕЛТЕЛИ ОТ СТАРОСТИ ФОТО...

Пожелтели от старости фото,
И глаза прежний блеск потеряли.
Рамки ниша — подобье киота:
Это памяти нашей скрижали.

И внезапно сжимается сердце:
Поколений потоки каскадом.
То не полк под названьем «Бессмертный» —
Это памяти нашей армада.

Бесконечна любви эстафета.
Благодарные слёзы невольны.
Затихает, склоняется ветер
Перед памятью нашей и скорбью.

9–10 мая 2017 г.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ...

Накануне праздника Победы
Я листаю старые тетради.
Стебелёк седой, что сорван где-то,
На странице замер в ожиданье.

Он по-прежнему все звуки слышит...
На листах бумаги пожелтевшей
Буквы помнят зарево и вспышки,
Запах зацветающих черешен.

В тишине страниц давно сокрыта.
Ни видений, ни воспоминаний.
Одинокая, остывшая. Забыта.
Ей бы к празднику согреться под лучами.

ФРОНТОВЫЕ ТЕТРАДИ ОТЦА...

Фронтовые тетради отца...
Побледневшие тонкие лики.
Ровных выцветших строк череда...
И пробелов потёртые блики...

Украина пылает в огне.
Дивный Киев чуть дышит сквозь пламя.
Бабий Яр возлежит в наготе,
Но в стихах обращение к маме.

Где-то в дымном вокзальном чаду
Таёт лето в нарядных носочках.
Но в тетрадке об этом ни строчки,
Будто так отгоняют беду.

Ни один восклицательный знак
Не расскажет о боли-тревоге.
Только точка похожа на танк,
Что у вечности встал на пороге.

И чернила как отсвет свинца
Сквозь седины рассветов-закатов.
Фронтовые тетради отца —
Рельсы строк из войны и обратно.

О цветах — вместо дерзкой войны,
О любви без измен и потери.
Может, так и рождается гимн —
Гимн надежде, победе и вере.

Дмитрий Краснов

г. Москва

ЗАМЕТКИ О ПАМЯТНОМ ЗНАКЕ 17-Й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ПРОРЫВА РВГК

*Солдат в атаку шёл не за награду,
Но велика награды той цена...
Во имя чести воинской и правды,
Фронтовики, наденьте ордена!*

Владимир Сергеев

Боевые ордена и медали по праву считаются символами воинской доблести, отваги и мужества. Сегодняшняя молодёжь, к сожалению, мало о них знает. А для моего поколения, поколения тех, чьё детство и юность пришлись на 80-е годы прошлого столетия, боевые награды являлись частью живой истории. Истории, которую мы изучали не только по книгам и кинофильмам, но и общаясь с ветеранами, рассматривая их ордена и медали, слушая рассказы о самой страшной войне в истории человечества.

Блеск боевых наград часто затмевал значки, обычно носившиеся фронтовиками на правой стороне груди под орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Я в то время вообще не обращал на них внимания. Лишь много позже мне стало понятно, что это были не просто значки, а памятные знаки воинских частей и соединений.

* * *

История памятных знаков напрямую связана со становлением ветеранского движения. Примерно в середине 60-х участники Великой Отечественной войны начинают искать бывших однополчан, встречаться, объединяться, заниматься общественной деятельностью. Появляются Советы ветеранов фронтового, армейского, корпусного, дивизионного, полкового звена — словом, с точно такой же структурой, как и в годы войны.

Жизнь ветеранских организаций многогранна: здесь встречи в связи с празднованием Дня Победы и в связи с юбилеями частей и соединений, поездки по местам боевой славы, военно-патриотическая и социальная работа. И постепенно появляется хорошая традиция отмечать знаменательные события выпуском памятных знаков. Кроме того, знаки становятся отличительными символами принадлежности к частям и соединениям, в которых ветераны прошли войну.

* * *

Интересные воспоминания о своём общении с однополчанами оставил участник Великой Отечественной войны, известный коломенский краевед В.Г. Перфилов:

«В 1979 году мне пришло осознание, что следует найти пути для возобновления контактов с бывшими фронтовыми друзьями. Всё оказалось просто. В Краснодаре работал Совет ветеранов 9-й Краснодарской пластунской дивизии, который возглавлял бывший заместитель командира дивизии по политической части полковник Н. М. Петрашин. Совет ветеранов 1448-го Самоходного артиллерийского полка функционировал в Киеве — по месту жительства И. Г. Побирченко, бывшего командира СУ-76, который руководил Советом. Меня признали «своим» лишь после проверки: по фотографии 1-й батареи, которая была сделана в Нимбурге, я должен был назвать пофамильно заснятых на ней людей и указать себя. После этого меня пригласили на очередную встречу ветеранов полка...

В течение многих лет Совет ветеранов Краснодарской пластунской дивизии вёл активную работу по патриотическому воспитанию молодёжи. С участием ветеранов войны было издано несколько книг, где описывались эпизоды войны. Каждый ветеран был награждён нагрудным Памятным знаком дивизии».

* Перфилов В.Г. О Коломне и фронте (1941-1946гг.). — Коломна, 2003.

К знаку полагалось удостоверение, и В. Г. Перфилов представил фото своего удостоверения, выданного ему решением бюро Совета ветеранов дивизии 9 мая 1980 года.

Однако после событий 1991 года активная работа Совета ветеранов 9-й Краснодарской пластунской дивизии и многих других ветеранских объединений, к сожалению, прекратилась...

* * *

Имела свой памятный знак и 17-я Киевско-Житомирская Краснознаменная, орденов Ленина и Суворова, артиллерийская дивизия прорыва РВГК. Занимаясь коломенской фалеристикой^{*}, я начал разрабатывать тему «Коломна в годы Великой Отечественной войны», собирать материалы о частях и соединениях, сформированных на Коломенской земле^{**}, и об их памятных знаках.

В процессе работы я познакомился с коллегами по увлечению: историками, изучающими боевой путь воинских частей, и коллекционерами-фалеристами. Один из них и прислал мне памятный знак 17-й АДП РВГК.

В сопроводительном письме он написал о том, что неоднократно видел памятные знаки 17-й АДП РВГК на слётах крымских коллекционеров. А этот знак был приобретён в Симферополе.

Другой крымский коллекционер-фалерист кратко рассказал о послевоенной истории дивизии. По его словам, 17-я АДП РВГК в 1945 году была передислоцирована в Симферополь. Штаб дивизии, возможно, располагался в военном городке на ул. Луговой, где впоследствии, с 1946 года, базировался 816-й артиллерийский Эльбингский полк. После расформирования 17-й АДП РВГК её подразделения разбросали по другим частям, и уже с 1946 года сведения

^{*} Фалеристика – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением орденов, медалей, памятных и сувенирных значков.

^{**} Наименования многих из них приведены на Стене Славы, установленной в Мемориальном парке города Коломны.

о дивизии ему нигде не встречались.

Большую работу по сохранению истории 17-й АДП РВГК провёл москвич П. А. Примаченко. Его отец, Андрей Нестерович Примаченко, служил в дивизии с момента её формирования в декабре 1942 года в Коломне. В своих воспоминаниях он пишет, что после Победы дивизию сначала передислоцировали в австрийский город Кремс, а уже потом в Крым, где она была расформирована в 1947 году.

Там же, в Симферополе, прошла одна из встреч ветеранов дивизии в сентябре 1972 года. На ней присутствовали около 180 человек, более 30 из которых были жителями Симферополя и других крымских городов.

Таким образом, мне стала понятна возможная причина неоднократного появления памятных знаков 17-й АДП РВГК в Крыму: некоторые военнослужащие, видимо, остались там жить после демобилизации.

Центральное поле знака 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой, орденов Ленина и Суворова, артиллерийской дивизии прорыва РВГК образует венок из колосьев пшеницы неправильной овальной формы. Нижняя часть венка покрыта красной лентой с золочёной аббревиатурой **АДП РВГК**. В центре венка на белом поле помещена эмблема артиллерии, под ней литера **В** (ветеран?), над ней число **17** (номер дивизии). Литера и номер дивизии окрашены красной эмалью. В верхнем полукружье венка идёт золочёная надпись **КИЕВСКО-ЖИТОМИРСКАЯ**, над ней — в месте, где

* Примаченко П.А. История 17-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК. [Электронный ресурс] // Сервер современной литературы при библиотеке Мошкова : сайт. — URL: http://samlib.ru/p/primachenko_p_a/istorija17-jartdiwiziiprorywarwgk.shtml (gama обращения 25.11.2017).

** Довольно неожиданное художественное решение, потому что большинство памятных знаков украшают ветви лавра и губа.

сходятся колосья, — красная звезда. В верхней части знака из-за венка выступают три ленты орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени.

Знак изготовлен из алюминия, анодированного в золотистый цвет, и покрыт холодными эмальями; размер 32x42 мм; крепление — булавка; тираж неизвестен^{*}.

* * *

История памятного знака 17-й АДП РВГК хранит немало загадок. Вот лишь некоторые из них, которые ещё предстоит разгадать.

1. *Когда был учреждён памятный знак 17-й АДП РВГК?* В работе П. А. Примаченко представлено замечательное фото ветеранов 17-й АДП РВГК, многие из которых имеют на груди дивизионный знак. Фото датировано 1977 годом. Таким образом, одна точка отсчёта известна. В качестве другой точки отсчёта я бы взял 1965 год, потому что именно в год 20-летия Победы начинает развиваться ветеранское движение, а чуть позже появляются и памятные знаки.

В период с 1965 по 1977 год были учреждены несколько медалей: «50 лет советской милиции» (1967 год), «50 лет Вооружённых Сил СССР» (1967 год), «За доблестный труд (За воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1969 год^{**)}, «Ветеран труда» (1974 год), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» (1975 год) и «Ветеран Вооружённых Сил СССР» (1976 год).

Я думаю, что ответ на вопрос о примерной дате учреждения и выпуска памятного знака 17-й АДП РВГК нужно искать на фотографиях ветеранов дивизии. По наличию тех

* П. А. Примаченко пишет о 180 ветеранах дивизии, собравшихся на встречу в сентябре 1972 года. Учитывая, что кто-то из ветеранов наверняка не приехал, я оцениваю тираж памятного знака примерно в несколько сотен экземпляров.

** Кроме того, в 1970 году был учреждён знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», который носили практически все ветераны войны.

или иных медалей можно довольно точно определить время, когда было сделано фото.

Кроме того, ветераны часто прикалывали на одежду различные памятные и сувенирные значки. Таким образом, одно из важнейших направлений в исследовательской работе — это изучение фотографий ветеранов дивизии.

2. *Прилагалось ли к памявному знаку 17-й АДП РВГК удостоверение?* Пока мне не удалось найти ни удостоверение, ни его фотокопию. Кстати, по дате выдачи удостоверения (если оно существовало) можно также попытаться определить время появления знака.

3. *Существуют ли другие памятные знаки 17-й АДП РВГК?* Выяснить это также могли бы помочь фотографии ветеранов дивизии. Известно, что некоторые части и соединения имели несколько памятных знаков*. Поэтому вполне возможно существование и других знаков 17-й АДП РВГК.

9 мая наша страна торжественно отметит День Победы, и улицы населённых пунктов заполнят тысячи фронтовиков. Они гордо прошагают в праздничных колоннах. Теперь уже в составе Бессмертного полка. А на груди у ветеранов 17-й Киевско-Житомирской Краснознамённой, орденов Ленина и Суворова, артиллерийской дивизии прорыва РВГК снова заблестят памятные знаки в форме венка пшеницы, украшенного лентами трёх боевых орденов.

Герои не умирают...

* Если говорить о дивизиях, сформированных в Коломне, то 52-я сд имела, как минимум, два знака, а 269-я сд, как минимум, четыре знака.

Сергей Кулешов

г. Луховицы, Московская область

ЛИДИИ (ЛИЛИИ) ЛИТВЯК

Загудела в ночи эскадрилья.
Заревел устрашающе ЯК.
На капот ярко-белая лилия
Возлегла, как воинственный знак.

Поднебесье — мужская ли вотчина...
В женских ручках податлив штурвал.
Что кому та Война напророчила,
В сорок первом никто не гадал.

Землю русскую было завещано
Им сберечь от фашиста Судьбой,
И бросалась бесстрашная женщина
В беспощадный заоблачный бой...

Муж погиб, а недавно подбили их
И подруга спастись не смогла.
Оттого лишь вокруг белой лилии
Стала гуще небесная мгла.

Над Миусом-рекой всё закончится.
Возле хутора рухнет твой ЯК,
Но твой Подвиг запомнится, лётчица,
Белой лилией Лиды Литвяк!

МЕДСЕСТРИЧКА

Мне не выбелить в памяти лица
Тех, кому не вернуться домой,
Не забыть слов: «Родная. Сестрица.
Посиди напоследок со мной».

Не отмыть кровь безусых мальчишек,
Что крестом на плече запеклась.
Фрицы вновь не дают передышек.
Страх и боль перемешаны в грязь.

Кто-то вычислил, будто на фронте
Медсестрички не больше живут
Трёх минут...
Что ж...
Пускай...
Но не троньте
Мне отпущенных этих минут!

Обливаясь слезами и потом,
Раздираю коленями твердь.
И назло всевозможным подсчётам
Отгоняю свинцовую смерть...

Ну же, родненький, верь, мы дотянем!
Это был не последний наш бой!
Я прошу, лишь одно обещаю мне:
Что вернёшься с Победой домой!

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Никто не забыт, ничто не забыто,
Девятое мая, закат, старый сквер...
Из радио голос торжественный — диктор
Басит в микрофон на военный манер.

На лавке старик, неестественно бледный,
Взирающий вдаль на тускнеющий свет.
Фуражка у ног, и еле заметна
В ней россыпь блестящая мелких монет.

Сегодня чуть больше, хватило б на ужин.
Всё ж праздник... Прохожий был щедр и пьян.
И, в общем-то, даже был вовсе не нужен
Лежащий под лавкой потёртый баян.

Лишь сил больше нет для того, чтоб подняться,
Но это уже не беда, так сказать.
Никто не забыт... Что же, стоило драться...
Ничто не забыто... Не жаль умирать.

Алексей Курганов

г. Коломна, Московская область

ПРОСТИТЕ НАС, ДЕДЫ...

(миниатюра)

Не знаю почему, но вспомнилось... Шестидесятые годы прошлого, понятно, столетия. Девятое мая. Мы, пацаны-дошкольники из соседних домов, играем на «лужке» в «догонячки». Лужок — это местами поросшая невысокой травой, а местами совершенно лысая площадка между домами. Тепло, весело, радостно. Да и чего не радоваться — праздник! Взрослые сидят за праздничными столами, а нам за столами не сидится. Нам требуется ДВИЖЕНИЕ!

Неожиданно Санька-Мордвин убегает домой и вскоре возвращается оттуда с донельзя довольной мордочкой и медалью, пришпиленной к рубашке и сверкающей на солнце. Медаль называется «За взятие Варшавы». Игра останавливается. Мы обступаем его вокруг, разглядываем медаль. Санькина мордочка сияет от удовольствия. Медаль ему приколол дед-фронтоник, Илья Силуяныч, но сейчас, в нашей ватаге, считается, что она — Санькина, собственная. Нам завидно. В том числе и мне. Я выхожу из компании и тоже бегу домой. Там за праздничным столом сидят взрослые, в том числе и мой дед, Иван Яковлевич. На деде — праздничный пиджак с медалями и орденами. Он надевает его только один раз в году. Именно в этот день. Взрослые уже выпили водки, закусили и сейчас ведут шумный разговор.

— Набегался? — спрашивает меня дед.

Я мотаю головой: не набегался. И объясняю почему. Дед иронично хмыкает. Откладывает вилку и отцепляет с пиджака медаль. Она называется «За отвагу». Я знаю: она по рангу выше той, которая висит сейчас на рубашке у Мордвина.

— На! — говорит дед и прикалывает её мне на рубашку. — Носи!

Я тут же выкатываюсь на улицу. Свою физиономию, понятно, не вижу, но уверен, что радости на ней совсем не меньше, чем на Санькиной.

Ватага оставляет Саньку и моментально окружает теперь уже меня. Мордвин обиженно надувает щёки. Я показываю ему язык. Мордвин раздувается ещё больше и стремглав убегает. Через пару минут возвращается. На мордочке — очередное торжество и превосходство. Дед приколол ему ещё одну — «За боевые заслуги».

Теперь убегаю я. Возвращаюсь с «За победу над Германией». Мордвин уже не надувает щёки, а обиженно ревёт и опять бежит к себе. На его груди появляется «Слава», не помню, какой степени. Уже через пару минут мою грудь украшает «Красная Звезда»...

Минут через пятнадцать мы становимся невластными медале- и орденосцами. Но Мордвин, увы, по количеству наград меня переощеголял. Я такой обиды стерпеть не мог и кинулся на него в драку. Разнимали нас всей ватагой. Когда разняли, то оказалось, что чуть ли не половина наград у меня и у него исчезли. То ли мы их действительно растеряли, то ли наши друзья-товарищи их исчезновению поспособствовали. Кто ж теперь знает...

Порол меня отец. Я на него не обиделся. Он редко поднимал на меня руку, но если поднимал, то всегда по делу. Да и ремень у него был широкий, из кожзаменителя. Так что порка была не болезненной, а больше обидной.

— Хватит! — сказал дед, появляясь в дверях. — Это я виноват... — и подмигнул мне. Дескать, извини. Жалко, конечно, но ладно. Хрен с ними, с этими медалями-орденами...

Вот так и жили. Весело жили. Не жирно, зато достойно. Всё больше по понятиям, а не по законам. Спасибо вам, деды, за науку. И простите нас, неумных. За страну, которую вы достойно отстаивали, а мы бездарно профукали. Простите, если сможете...

Надежда Лаврушина

г. Пугачёв, Саратовская область

ОТЕЦ

Эта ночь была особенно морозной,
Будто выстудила души и сердца.
В кабинете угловом и краснотрёхзвездном
Тяжелы шаги тревожные отца.

С неизменной трубкой — верным талисманом...
Сапоги — солдата вечный атрибут...
Спать бы лечь — хотя б на краешке дивана,
Только думы всё покоя не дают.

Тесен круг флажков в районе Сталинграда,
Не прорвать фашистам плотное кольцо!
В размышлениях застыл он с картой рядом
С посеревшим от бессонницы лицом.

Час назад пришло с рассыльным сообщенье,
Предлагают немцы выполнить обмен:
Чтобы сыну обеспечить возвращенье,
Должен Паулюс прервать позорный плен.

Положительного ждал фашист ответа —
Больше года держит сына враг в плену!
Улыбался лейтенант отцу с портрета:
Добровольцем уходил он на войну...

...Взял стакан с давно остывшим крепким чаем,
Холодок прополз внезапно по спине...
«Я солдат на генералов не меняю».
И добавил: «На войне как на войне».

За окошками февраль метелил тропы,
Погружая город в беспокойный сон.

А в кремлёвских кабинетах слышен шёпот:
Несгибаемый, не спит ночами он...

Вьюга злилась на февраль и волком выла...
Не сможешь тут слезами, плачь — не плачь...
Ну а то, что вдруг за рёбрами заныло, —
Так об этом знать не должен даже врач.

Сколько раз себя корил потом и мучил —
Неизвестно это было никому.
Но не мог в тот горький миг ответить лучше,
Чтоб в глаза смотреть спокойно самому.

Эта ночь была задолго до апреля,
Свирепели псы в немецких лагерях.
Но солдат страной гордился, свято веря,
Что повержен будет вражеский рейхстаг.

Был нелёгким выбор лишь для малодушных;
Но тому, в чьём сердце пламя зажжено,
Не рабом в руках фашиста стать послушным,
А звездой остаться в вечности дано.

Гладил кудри заксенхаузенский ветер,
Прогремел в руках врага горячий ствол...
А в кремлёвском красnozвёздном кабинете
С тихим стуком трубка выпала на стол...

Примечание: Яков Джугашвили был расстрелян в концентрационном лагере Заксенхаузен 14 апреля 1943 года.

Виктория Левина

г. Ришон Лецион, Израиль

Я ДОЧЬ ФРОНТОВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ

Я, папа, живу далеко от Днепра —
волна Средиземного моря гранит
на набережной возле Яффо дробит, —
здесь пальмы, и небо, и бог... И добра

мне щедрые горсти судьба припасла,
когда позвала в эту дальнюю даль...
Хотелось забрать боевую медаль
твою, да таможня добро не дала.

Храню фотографии. Личный архив
звена истребителей есть и альбом.
И мама на снимке прижалась плечом,
на китель медали свои прикрепив.

Я дочь фронтовой и последней любви,
с израненным телом и жаждою жить!
И призвана долей наследству служить:
под небом бескрайним — для неба живи!

Я, папа, сегодня накрою на стол.
Я чарку тебе «фронтовую» налью.
И мамину песню тихонько спою
про то, как казак до дивчины пришёл...

Александра Менъщицова

г. Курган

ДЯДЯ ПАША

Интернат сельской школы. Длинный коридор, по обеим сторонам коридора комнаты. Здесь живут дружной семьёй мальчишки и девчонки. Здесь же находится кухня, она же и столовая. Стоят три стола. Ребята попеременно садятся за стол. Повариха тётя Люба большой поварёшкой раскладывает кашу по тарелкам.

«Ой, сегодня рисовая каша!» — воскликнула Галя, подсаживаясь к столу. Рядом на свободный стул она поставила портфель, заняла место для подруги Иры. Витя из пятого и Колька из шестого сидели напротив. Подбежала Ира. «Съедай скорей кашу, на уроки опаздываем», — сказала Галя. Ира начала есть, поднесла ко рту ложку каши и тут же отбросила ложку обратно в тарелку.

— Ты чего не ешь? — удивлённо спросила Галя. Но Ира взяла портфель и молча вышла из столовой. Мальчишки переглянулись, еле сдерживая смех, с усердием принялись уминать кашу, чуть не касаясь носами тарелок.

— Что это с ней? — недоумённо спросила Галя.

Когда Галя догнала Иру, всё прояснилось.

— Ира, ты чего надулась? Кашу не стала есть, — поинтересовалась Галя.

— Ещё подругой называешься, зачем мне подстроила такое? Перед мальчишками выделиться захотела? — с укоризной спросила Ира.

— Ты что, Ира? — ничего не понимая, удивилась Галя.

— Не притворяйся, будто ничего не знаешь. Кто в кашу соли до горечи насыпал? Ещё скажешь, не ты? — с обидой в голосе сказала Ира.

— Ах, вон оно что! — Теперь-то Галя поняла, почему мальчишки так себя вели. — Ну ничего, Ира, мы с ними разберёмся после уроков.

Придя из школы, девочки пообедали. Выполнили домашнее задание. А вечером, как всегда перед сном, нача-

лось «представление». Азбукой Морзе выстукивали соседям через стенку: «Витя, принеси, пожалуйста, учебник русского языка, я оставила свой в классе». Когда Витя открыл дверь в комнату девочек, на него тут же сверху обрушился поток воды. (Девочки закрепили наверху двери кастрюльку с водой, привязав верёвочкой к дверной ручке.) Раздался дружный хохот. Самая шустрая в комнате Надя крикнула: «А где Колька, иди к нам, у нас весело!» Только Коля за порог, а на него сверху посыпалась мука. Теперь-то он выглядел как настоящий мельник на мельнице.

— Это вам за кашу! — и все опять дружно засмеялись.

В целях пожарной безопасности в конце длинного коридора всегда стояла большая железная бочка, почти до краёв наполненная водой. Однажды Серёжа из седьмой комнаты сидел на краю бочки, тихо напевая себе под нос мелодию и болтая ногами. В это время мимо проходили девочки, Сергей забрызгал их водой. Когда девчонки возвращались обратно, бойкая Надя как бы невзначай толкнула Серёжу, и он бултыхнулся в воду.

— Ну, девчонки! — крикнул Сергей вдогонку убежавшим с оглушительным хохотом девочкам. — Я вам покажу, где раки зимуют.

В двадцать один тридцать отбой. Все на своих местах — по комнатам. В это время обход совершала Галина Сергеевна, старший воспитатель, и сразу в комнатах наступала тишина. И как только дверь в коридоре хлопнула, значит, воспитательница ушла домой, а на дежурство заступил сторож дядя Паша.

Дядя Паша добродушный и смешливый человек. Весь интернат относится к нему с уважением за его весёлый нрав, за его нескончаемый юмор, за его интересные и познавательные истории. Фронтвик, пришёл с войны без ноги: у него вместо ноги — деревяшка, и ходит он с тростью, но всегда подтянут, с солдатской выправкой.

Вдруг в третьей комнате раздался пронзительный визг, загорелся свет. Дядя Паша зашёл в комнату и увидел такую

картину: все девочки стоят на своих кроватях, а шустрая Надя, стоя на столе, кутаясь в одеяло, визжала.

— Успокойтесь, что случилось? — прикрикнул дядя Паша.

Ира, показывая рукой на Надину кровать, твердила с заиканием: «Там... Там... Там...»

Тут дядя Паша всё понял. Опять проделки мальчишек из седьмой комнаты. На Надиной подушке сидела, спокойно поглядывая на всех своими чёрными глазками-бусинками, серая мышка. И никуда, похоже, не собиралась убежать. Дядя Паша спугнул её, мышь юркнула под кровать.

— Я всё равно не лягу в свою кровать, — заявила Надя. — А если мышь опять заползёт? Галка, можно я с тобой сегодня лягу?

— Пожалуйста, — ответила Галя.

Дядя Паша выключил свет и, чтобы успокоить девочек, сказал:

— Я побуду с вами и расскажу историю, которая произошла со мной на фронте. Как я ходил в разведку с одним бойцом. И о том, как нам пришлось долго сидеть в заброшенном окопе, чтобы взять языка.

И вот начал свой рассказ дядя Паша:

— ...А лишний раз не шелохнёшься, иначе обнаружишь себя — и всё. Амба.

— Настолько мы сидели тихо, — продолжал дядя Паша, — что к бойцу Патракову забралась мышь за шиворот и ползает.

— Ой! — вскрикнула Ира. — Как он только выдержал такое...

— На войне, девочки, всё выдерживали: или мышь, или амба, убьют.

— А как боец от неё избавился? — спросила Надя.

— Так она, мышка-то, погуляла по нему. Есть нечего, ни одной крошечки. «Тьфу, — говорит, — лучше в поле убегу», — и убежала.

Девочки засмеялись.

— А что с языком? Вы его взяли? — любопытствовала Надя.

— Ох и здоровенный фриц попался, еле дотащили его, зато ценные разведанные получили, — пояснил дядя Паша. — А бывало и такое, ещё один курьёзный случай: ползём по полю, нам надо было продвинуться ближе к тылу немцев. Фрицы как начали освещать осветительными ракетами, мы готовы были сквозь землю провалиться. Прижмёмся к матушке земле, а в мыслях: «Родненькая наша, помоги нам. Сохрани нас».

— И что, помогала? — выглянула из-под одеяла Варя.

— Конечно, помогала, земелька-то наша родная. Прижались мы к земле, затаив дыхание, пока фрицы перекрёстным огнём из пулемётов простреливали поле. Слышу, что-то пропищало под ухом. Ну, думаю, так уж мне грезится. Ан нет! Оказывается, я на мышку-то ухом навалился. Ну, думаю, сейчас отгрызёт ухо-то мне. Будут в роте одноухим звать. А она, мышка-то, была наша. Зачем, говорит, я буду своих обижать, лучше подмогну им. Вот и терпела, была мне вместо подушки. А вы мышки испугались... Стоит ли из-за какой-то мышки шум поднимать. А теперь давайте-ка спать, я буду рядом, пойду на свой пост, охранять ваш сон, — с весёлой ноткой в голосе, закрывая за собой дверь, вышел из комнаты дядя Паша.

Начались летние каникулы. Ребята разъехались по домам. Оставались седьмые и десятые классы. У них впереди экзамены. А дядя Паша, как всегда, на своём боевом посту.

Андрей Петраков

г. Воскресенск, Московская область

ОН БЫЛ ГВАРДЕЙЦЕМ

Вспоминая свою службу в столице многонационального Ирана городе Тегеране, бывший гвардии старшина Сухов делился впечатлениями о белом солнце и раскалённых зыбучих песках древней Эламской пустыни... Он повествовал о вечных снегах на вершинах горных хребтов Эльбурса и растущих у их подножия диковинных фруктах и необыкновенно сладком винограде... Ветеран охотно говорил о персидском Реза-шахе Пехлеви и несметных месторождениях нефти, о чёрной женской парандже и о том, что Восток – дело тонкое. А на один из многочисленных вопросов: «Почему же всё-таки удалось отстоять Москву в 41-м, разгромить врага на огненной Курской дуге в 43-м и в конце концов добить фашистов в самом их логове?» – фронтовик-доброволец, недолго думая, отвечал: «Потому что мы были гвардейцами...»

Сухов Иван Александрович после продолжительной болезни ушёл из жизни в последний день зимы 1985 года... В год 65-летия Победы его рассказ о своей жизни и о войне с фашистами, который я успел записать с его слов 25 лет назад, представляю вашему вниманию:

– Родился я в 1911 году 25 октября в крестьянской семье у родителей Александра Григорьевича и Марии Филипповны в деревне Губино бывшего Бронницкого уезда. Крещён был в церкви Воскресения Христова села Ашитково...

До октябрьских событий 1917 года по деревне часто проезжал в удобной коляске, запряжённой тонконогой лошастью, владелец ткацкой фабрики Гусев (ныне фабрика находится в п. им. А.Д. Цюрупы). Мы, босоногая детвора, мчались вслед за коляской. Окружив её с трёх сторон, начинали наперебой кричать Гусеву: «Гусь-гусь – красный нос, почём в городе овёс?!» Это продолжалось до тех пор, пока сидевший на козлах кучер в нарядном кафтане не начинал кнутом, подобно

выстрелам из ружья, раскатисто хлопать по укатанной дороге направо и налево...

Зимой я любил покататься на деревянных коньках, а иметь настоящие железные коньки было самым заветным желанием. Когда в 1926 году погиб отец, на руках у матери осталось пятеро детей. Пришлось быстро повзрослеть и заменить в хозяйстве отца.

В начале 30-х годов случился голод и дома нечего было есть. Чтобы семье хоть как-то выжить, отправился в Москву и обменял на рынке свой единственный пиджак из дорогой ткани на мешок зерна.

Имея за плечами семь классов сельской школы, в январе 1933 года был призван на действительную военную службу в Особую Краснознамённую Дальневосточную Армию под командованием будущего Маршала Советского Союза Блюхера В. К., в 1-й эксплуатационный железнодорожный полк. На одном из полевых тактических учений полка присутствовал сам командующий. После манёвров во время обеда Блюхер вместе с нами, красноармейцами, расположился прямо на земле и ел кашу из одного солдатского котелка. При этом командарм интересовался боевой выучкой курсантов, смеялся и шутил, произведя на нас впечатление душевного и открытого человека.

В октябре 1936 года в должности младшего командира я был уволен в запас.

Те профессиональные знания и навыки, которые приобрёл в армии, мне пригодились в мирной жизни. С 1937 по сентябрь 1941 года я работал в Москве вагономастером на железнодорожной станции Андроновка. В сентябре 1937 года женился, а в 1939-м у нас с женой Еленой родилась дочь. Начавшаяся 22 июня 1941 года война перечеркнула все планы на будущее...

На фронт ушли братья. одному из них не было суждено вернуться домой.

Меня, как и всех железнодорожников, на фронт не брали. Мы имели бронь (не подлежали мобилизации военнообязанных в Красную Армию). В депо нас информировали,

что на железных дорогах возможны диверсии со стороны немецких парашютистов, забрасываемых вражеской авиацией. В этом убедился лично: в августе во время следования железнодорожного состава на переходной площадке последнего вагона пришлось вступить в рукопашную схватку с немецким лазутчиком. Спас мою жизнь оказавшийся под рукой железнодорожный башмак.

В сентябре в Виноградовском РВК написал заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт. Мою просьбу удовлетворили. В октябре 1941 года был мобилизован и отправлен помощником командира взвода в звании гвардии старшины в 7-й стрелковый гвардейский полк, который находился в г. Павловский Посад.

Когда полк заново укомплектовали и подготовили к боевым действиям, нас погрузили в эшелон и отправили на передовую. По мере приближения к линии фронта среди необстрелянных солдат возникла паника. Некоторые из них пустились наутёк подальше от вагонов. Об этом я доложил командиру, на что тот ответил: «Пусть бегут... Посмотрим, как в бою себя покажут».

Воевать пришлось на Калининском, Западном и Юго-Западном фронтах. Своё первое боевое крещение получил на подступах к г. Калинин. Затем освобождали города Старица и Ржев.

Зима 1941 – 1942 гг. была снежная и морозная. Нам выдали тёплые полушубки, перед наступлением пришли посылки с варёжками, а вот немцам, привыкшим к мягкому климату и благам западной цивилизации, в окопах пришлось несладко: на них не только обрушились ранние сорокаградусные морозы, но и напали полчища вшей, из-за которых те чуть ли не с лета 41-го года преднамеренно носили шёлковое нательное бельё. Вот фрицы и начали кутаться в тряпье, которое они отбирали у населения, да надевать на сапоги соломенные самодельные калоши.

Но, несмотря на это, фашисты яростно сопротивлялись, стараясь удержаться на своих позициях. Однажды мы получили приказ с хода выбить врага из одного населённого

пункта. Наша атака захлебнулась, когда с чердака крайней избы заговорил вражеский пулемёт. Бойцы залегли в снег и стали окапываться. Немец не давал поднять головы. Вооружённый противотанковым ружьём, я обошёл деревню с фланга, подполз как можно ближе и произвёл выстрел. Пулемёт замолчал... Пехотинцы поднялись в атаку и овладели населённым пунктом.

До сих пор жив в памяти бой нашего пулемётчика, позиция которого находилась на вершине холма, с пикирующим немецким стервятником. Эту схватку немецкий пилот проиграл, когда попал под меткий пулемётный огонь. Потеряв управление, машина рухнула на землю, а лётчик приземлился на парашюте и сдался в плен.

С января 1942 года я воевал в составе 875-го стрелкового полка. Помнится брошенная немцами полевая кухня: горячего кофе в термосах и бутербродов с маслом и сыром хватило на всех!..

В апреле 42-го в бою был дважды ранен в правую ногу, а затем и контужен. Придя в сознание, понял, что оглушён и нахожусь на нейтральной полосе. Надежда на спасение сменилась тревогой, когда разглядел в приближающемся человеке немца. Немец прошёл мимо. Запомнились его упитанная фигура, штык-нож, висящий на поясе, и выбритая здоровенная шея.

С поля боя меня вынесли санитары и отправили в санбат, расположенный в деревне. Разместили в крестьянской избе, до отказа забитой тяжело ранеными. За нами ухаживала хозяйка с десятилетним сыном Митей. Мальчик принёс мне со двора пару деревянных грабелек. Благодаря им я начал кое-как передвигаться. Когда утром следующего дня немцы прорвали нашу оборону и стали подходить к деревне, эвакуировать раненых было не на чем, да и некому. Не дали замёрзнуть под открытым небом каким-то чудом увидевшие меня из леса кавалеристы, когда я, проковыляв на грабельках от деревни полем метров сто, от бессилия и нестерпимой боли в ноге упал в глубокий снег.

На излечение меня направили в эвакогоспиталь № 3865. Хирург, осмотрев ногу, принял решение о её ампутации. Но сосед по койке стал убеждать меня в обратном: ампутация ноги – дело нехитрое, и следует ещё побороться за её сохранение. Когда хирург с медицинской пилой вошёл в операционную, я от ампутации отказался. Хирург оторопел. Он раздражённо сказал, что я об этой выходке не раз пожалею. Но правая нога вопреки неутешительным прогнозам всё-таки зажила. После госпиталя долечивался дома на родине. Поправившись, был направлен в прежней должности в 61-й отдельный стрелковый батальон. Участвовал в боях под Курском.

В конце 43-го года по состоянию здоровья был переведён на должность старшины 6-го отдельного строительного батальона 155-го дорожного комендантского участка.

9 Мая 1945 года встретил в Малой Азии на территории Ирана, северная часть которого была занята советскими войсками. После войны служил под Москвой. Демобилизовался в декабре 1945 года. Награждён медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией».

В мирное время И.А. Сухов, получив очередную юбилейную медаль ко Дню Победы, часто вспоминал о боевом ордене, который он заслужил в боях под Москвой в начале войны и который ему так и не вручили... Фронтовик объяснял это тем, что в то тяжёлое для страны время о наградах никто не думал – немец стоял у стен столицы и надо было Родину защищать.

Светлая тебе память, Иван Александрович!

д. Тубино, август 2010 г.

Вера Попова

п. Богородское, Хабаровский край

ВОЙНА – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПОДВИГ

Мне не было и пяти лет, когда поезд летом 1956 года мчал нас с родителями из Хабаровска в Москву. На одной из остановок в общий вагон вошёл в сопровождении гармониста бывший солдат Великой Отечественной войны. У него не было обеих рук по самые плечи. В силу жаркой погоды на нём были только брюки и сапоги, а на шее висела холщовая сумка, в которую пассажиры клали деньги – кто сколько мог. Он шёл по проходу и пел песни, всякие. Гармонист, видимо, был не только аккомпаниатором, но и сопровождающим. Мама положила в сумку все калачики, которые напекла в дорогу, пояснив мне, что на следующей станции он обязательно пойдёт в кабак. А калачики пригодятся ему, когда он захочет есть... Мудрая мама...

Эта встреча потрясла меня настолько, что до сих пор я «вижу» этого солдата, как если бы встретила его только вчера... Война – это не только подвиг, это ещё и поломанные человеческие судьбы.

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Полста шестой. Июль. Вагон.
Он был по пояс обнажён.
Он громко о Победе пел,
И гордо глас его звенел.

Сума висела на груди:
«Клади мне рублики, клади.
Ты, мать, солдата пожалей.
А хочешь, рюмочку налей...»

Раскрыла широко глаза,
Скатилась по щеке слеза:

«У дяди нет обеих рук!
Ах, сколько испытал он мук!
Дай денежку, мамуля, мне,
К другим добавлю я в суме!»

«В кабак он, доченька, пойдёт
И деньги всё равно пропьёт», —
С тоскою мама говорила,
Калачики в суму сложила...

Вот так я встретилась с войной —
Жестокой нищенской сумой.

Май 2015 г.

Тамара Трописнова

г. Коломна, Московская область

ПЕСНИ О ВОЙНЕ

ПАМЯТЬ

1.

Зарастают травой окопы.
На берёзе слой новой коры.
Незаметными кажутся тропы
Той далёкой военной поры.
И зажившие старые раны
Не тревожат ночами солдат,
Почему же тогда ветераны,
Как и прежде, спокойно не спят?

Припев:

Потому что знают сами
Боль потерь и боль разлук,
Хлеб, пропитанный слезами,
Силу нежных женских рук.
Почерневшие от горя
Помнят лица матерей
И глаза осиротевших —
Повзрослевших вмиг детей.

2.

Только пыль по дорогам клубится.
Цвет печали у нашей земли.
Застывают испуганно птицы,
Когда гром раздаётся вдали.
И опять яркий всполох зарницы
Заставляет тревожиться мать...
Почему ей ночами не спится?
Почему так тревожно опять?

Припев тот же.

3.

Чёрным тучам мы не позволим
Небо ясное снова закрыть,
Потому что о прошлом мы помним
И его не дадим повторить.
Пусть же ласково солнышко светит,
Ночью яркие звёзды горят —
Поколение наше в ответе
За счастливое детство внучат.

Припев:

Потому что знаем сами
Боль потерь и боль разлук,
Хлеб, пропитанный слезами,
Силу нежных женских рук.
Почерневшие от горя
Помним лица матерей
И глаза осиротевших —
Повзрослевших вмиг детей.

1994 г.

НАДЕНЬТЕ, ВЕТЕРАНЫ, ОРДЕНА

1.

Наденьте, ветераны, ордена
И поднимите головы седые,
Полвека как закончилась война,
Но не забыты годы боевые.
И каждый раз, окинув взглядом строй,
Отметив, что кого-то с вами нету,
И выпив за помин по фронтовой,
Вы вновь поднять спешите за победу.

Припев:

Победа!
Вы шли к ней столько трудных дней!
Победа!
Слезой омыта матерей!
Победа!
Пусть быстротечная река
Уносит годы и века,
Но этот день войдёт в Завет,
Как самый главный из побед!

2.

Пусть в сорок пятом кончилась война,
Но стынет мать-земля от скорбных звуков,
И на груди сверкают ордена
За боевые действия у внуков.
Но чтоб звучал на всей планете смех,
Пусть рядом встанут внуки, встанут деды,
Для всех времён и поколений всех —
Единым станет этот День Победы.

Припев:

Победа!
Вы шли к ней столько трудных дней!
Победа!
Слезой омыта матерей!
Победа!
Пусть быстротечная река
Уносит годы и века,
Но этот день войдёт в Завет,
Как самый главный из побед!
Победа!

1994 г.

БОЙ

Бой уходил всё дальше, и солдаты,
Крича «ура!», стреляя на бегу,
Вперёд спешили, оставляя хаты
Освобождёнными на правом берегу.

Рвались снаряды! И прожекторами
Пронзало чёрную, удушливую мглу;
Летели пули и фугаски над дворами,
Как будто бой не на земле шёл, а в аду.

А у дороги, истекая кровью,
Лежал солдат и думал: «Всё, конец!
Вот белый ангел подлетает к изголовью...
А вот уже не ангел, а боец».

Над ним склонился, замер на мгновенье
И, завязав на маскхалате узелок,
Поднял солдата, павшего в сраженье,
Сказав тихонько: «Потерпи, браток!»

В ушанке старой, небольшого роста,
Большие васильковые глаза,
И было для него не так уж просто
Тащить, по снежным выступам скользя.

А он тащил, собою прикрывая
Солдата от осколков всякий раз.
А пули лязгали не умолкая,
Но даже смерть солдату — не приказ...

Уж в медсанчасти наш боец очнулся:
«Скажи, кого в молитвах поминать?»
Солдат поправил шапку, улыбнулся:
«Меня Катюшей Ивановой звать».

Гузель Рахматуллина

г. Уфа

ГЛУХОМАНЬ

После вечерней поверки военнопленных развели по баракам. Отто Шульц присел на деревянные нары, стянул тонкие трикотажные перчатки и стал дуть на одеревеневшие от холода пальцы. Русская зима не щадила пленных немецких солдат. Отто достал из-под подкладки шинели маленькую фотографию матери. Жива ли ещё? Он был её единственным сыном, отец Шульца погиб во время обвала в шахте, а фрау Марта больше не вышла замуж, посвятила себя воспитанию сына.

Когда Гитлер начал войну с Советским Союзом, Отто учился на первом курсе университета. Отправляясь на фронт, юноша наивно полагал, что действует в интересах великого рейха и несёт славянским народам освобождение от большевистского ига. Фронт перевернул его сознание. Он увидел, как «угнетённый советами народ» отчаянно сражается за каждый клочок родной земли.

В сорок четвёртом Шульц был легко ранен и попал в плен. Так он очутился в Сибири, в лагере для военнопленных. Желая выжить, он каждый вечер мысленно разговаривал с матерью, перебирал в памяти события своей жизни. Что он видел? В свои двадцать два года Отто ни разу не целовал девушку. Неужели ему суждено погибнуть здесь, среди этой сибирской глухомани? Выживет ли он, обнимет ли снова свою маму, ощутит ли вкус свежеиспечённых булочек из пекарни Генри Миллера? Шульц не знал ответа на свои вопросы. Юноша свернулся в клубок, пытаясь согреться, и забылся тяжёлым сном...

После скудного завтрака началась утренняя поверка. Несколько военнопленных, в числе которых был Отто, отправили на работу на лесоповал. Валили огромные ели, потом обрубали сучки. Работа была тяжёлая. Погода портилась, начинался буран. Шульц с трудом передвигал ноги, его знобило в тоненькой солдатской шинели и рваных трикотажных

перчатках. На мгновение потемнело в глазах, и он не заметил падающего на него дерева.

- Егоров, собирай немчуру, буран разыгрался.
- Шнель гебаут! Шнель, фашисты проклятые!
- Товарищ капитан, одного не хватает!
- Ищи, Егоров, ищи. Далеко не мог уйти. Идти ему некуда, зверь задерёт.
- Кажись, придавило его. Что делать будем?
- Живой?
- Откинулся, не шевелится.
- Оставь его. Никуда теперь не денется. Заактируем в лагере.
- Шнель, гады, шнель!

– Отто, сынок, очнись! Иди за мной! Вставай! – Отто с трудом разлепил глаза, его ослепило от белого, режущего света. Неужели всё кончилось? Нет... там не идёт снег и, наверное, не так холодно.

Шульц попробовал пошевелить руками и ногами. Это чудо, что он ещё не замёрз. Немец с трудом выбрался из-под дерева. Он понял, что его приняли за мёртвого и бросили здесь. Он не знал, в какую сторону, и пошёл вперёд, скрывшись в густой снежной пелене.

Мария проснулась рано. Растопила печь, вскипятила воды, разогрела вчерашней похлёбки. Она с трудом открыла дверь, которую за ночь наполовину завалило снегом. Метель мела всю ночь. Расчистив двор, женщина взяла в сарае лыжи и ружьё и пошла проверять силки.

Почти год Мария жила одна в глухой тайге. После смерти родителей её сюда привёз дед Матвей, который со своей семьёй ушёл в тайгу, не сумев принять новой жизни.

Не мог Матвей видеть поруганных церковей и стремительно рушащейся на его глазах устоявшейся веками жизни. Когда-то, ещё в царские времена, отец Матвея по приказу заводчика Демидова искал в тайге золото, рабочие построили в лесу на берегу небольшой речушки заимку,

но жилы здесь не оказалось, о заимке забыли. Матвей был как-то с отцом на заимке и хорошо знал, что добираться сюда нужно через болотную топь и перевал. Именно сюда он и убежал от новой власти. К зиме с сыновьями срубили новый пятистенок, баню, сарай. Летом собирали и заготавливали грибы, травы, черёмуху, сушили рыбу, коптили мясо, осенью — морошку, клюкву, кедровый орех. Зимой промышляли охотой. Несколько раз в год он наведывался в Воздвиженское к старшему сыну, пополнял запасы охотничьих патронов, керосина и спичек, приносил из тайги шкурки пушного зверя.

Антон с отцом в тайгу не ушёл. Он жил со своей женой Дарьей и внучкой Марией в селе, работал в охотничьей артели. В последний раз Матвей видел сына в тридцать пятом году. К его следующему приходу Антона и его жену арестовали. Внучку Марию дед нашёл в соседней деревне, куда девочку за несколько дней до ареста родители отпустили погостить к сестре Дарьи.

Больше Матвей из тайги не выходил. Через три года схоронил жену. Ещё через год медведь задрал среднего сына, а младший Алёшка умер от укуса болотной гадюки. Так Маша осталась одна с дедом.

Матвей приучал девочку жить в лесу, охотиться, ставить силки, заготавливать дрова. В тайге внучка окрепла, превратилась в высокую статную девушку. Старик чувствовал, что силы покидают его. Как-то он показал девушке дорогу в деревню и перед смертью рассказал о том, что случилось с её родителями. После смерти деда Мария осталась в таёжной глухомани с единственным родным существом — огромным псом по кличке Абай.

Она не искала встреч с людьми и не выходила из тайги, ничего не знала о жизни в Воздвиженском, о войне. Она жила предначертанной ей жизнью и не роптала на судьбу.

Мария сложила в заплечный мешок зайцев, попавших в силки. Пора было возвращаться. Зимой темно рано. Внезапно Абай залаял и метнулся к сугробу. Женщина сняла с плеча ружьё. Патроны она берегла, без надобности не стре-

ляла. Пёс начал рыть сугроб лапами. Мария подошла поближе. Под снегом, прислонившись к ели, сидел человек.

Мария потрогала его. Мужчина был ещё жив.

— погоди, Абай. Молодец, учуял, старичок.

Пёс прислушался и притих. Девушка обрубилa несколько больших еловых лап, перевязала их верёвкой и, положив на них незнакомца, как на санях, поволокла его домой.

Взвалив свою находку на плечи, затащила в избу, с трудом стянула примёрзшую шинель и солдатские ботинки, размотала несколько слоёв вонючих старых портянок. Достала с полки гусиный жир и начала растирать руки и ноги мужчины. Он в себя не приходил. Грудь его она растёрла барсучьим салом, укутала его в пуховый платок, навалила сверху дедов тулуп. Потом растопила жарко печь. Освеживала в сарае добычу, спустила заячьи тушки в погреб. Поставила в большие чугуны кипятить воду, сварила бульон из свежей зайчатины и заварила сушёной малины с травами.

Незнакомец стонал и бредил. Мария из ложечки поила его отваром трав, он метался, тело его горело. Женщина налила в миску фруктового уксуса, развела кипячёной водой и стала обтирать больного. Потом долго молилась перед старинной иконой в углу и снова обтирала больного уксусом. К утру жар начал спадать, но незнакомец всё ещё не приходил в себя.

Две недели Мария боролась за жизнь незнакомца. Очнувшись, он попросил пить. Девушка не понимала, о чём он говорит. Она по-прежнему натирала его барсучьим жиром и отпаивала бульоном и отварами трав. Мужчина послушно лечился.

— Я — Мария. А как зовут тебя, болезный?

— Отто.

— Иноземец, видать... Как же ты в тайге оказался?

Шульц улыбался своей спасительнице и что-то ей говорил.

Когда Отто немного набрался сил, Мария истопила баню и отправила его мыться, сунув в руки бритву деда Матвея, самодельный брусок мыла, чистые портки и рубаху.

Отто с наслаждением мылся. Казалось, хотел смыть с себя всю грязь войны, плена.

Когда Шульц вернулся из бани, Мария его не узнала. Из косматого исхудавшего больного превратился в молодого светловолосого мужчину. Женщина улыбнулась: тощий немец выглядел комично в огромной рубаше деда Матвея. Она протянула ему козьего молока, он пил, придерживая портки, чтоб не свалились.

К лету немец научился немного говорить по-русски. Мария ходила на охоту, он готовил дрова, доил козу, ловил рыбу. Вместе они косили траву, сушили и таскали сено.

Жара стояла невыносимая. К полудню сметали два стожка.

— Нужно передохнуть, Отто. Возьми в узелке кринку с молоком. Я пойду к озеру.

Озёрная вода — как парное молоко. Мария доплыла до середины озера, легла на спину. Облака, лёгкие, словно пёрышки зимней гагары, плыли по небу, отражаясь в спокойной глади озера.

Девушка вышла на берег и тут заметила Отто. Он смотрел на неё не отрываясь. Мария застыла, прижав к обнажённой груди ситцевую кофточку.

Немец подошёл к ней и робко коснулся тонкими длинными пальцами её щеки...

Они лежали на лугу, среди нескошенной травы, среди ромашек и ярко-розовых зарослей иван-чая, а июльское небо над головой было пронзительно голубым...

Весной Мария родила сына. Она назвала ребёнка Игнатом. Отто был счастлив, он держал на руках маленький пищащий свёрток и улыбался. Странная всё-таки штука жизнь, ещё недавно он не мог бы поверить в то, что здесь, за тысячи километров от родной Германии, в русской глухомани, он найдёт свою первую любовь и впервые возьмёт на руки своего сына.

Мария была ещё слаба после родов и не могла оставить ребёнка. Отто взял в сарае ведро, садок и решил отправиться на реку, наудить свежей рыбы. Ставить силки на зайцев он так и не научился.

— Я скоро, майн либе...

— Отто, у нас ещё есть зайчатина, не ходи, опасно сейчас на воде, с утра подтаяло, лёд непрочный.

— Я осторожно...

После ухода Отто Мария покормила сына и задремала. Малыш был беспокойным и ночью не дал ей отдохнуть.

Она проснулась от лая Абая, который скрёб лапами дверь. Женщина оделась и вышла на улицу. Пёс лаял и рвался в сторону озера.

Мария нашла на берегу, неподалёку от разлома, своё ведро и на краю огромной полыньи рукавицу Отто. Абай, заглушая рыдания Марии, протяжно выл на берегу.

Летом из леса на окраину села Воздвиженского вышла женщина с ребёнком на руках и большой котомкой за плечами. Рядом с ней бежал огромный старый пёс. Она остановилась ненадолго и тихо сказала:

— Вот мы и вернулись к людям, сынок.

Галина Самусенко

г. Коломна, Московская область

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ СКОЛЬЗЯ...

(Отрывок из семейного очерка)

Она запомнила отца высоким, широкоплечим, с весёлыми чёрными глазами и волнистым смоляным чубом, делавшим его похожим на цыгана...

Отец работал каменщиком в стройконторе, приходил с работы уставшим – работа не из лёгких, – но для детей всегда находил время и доброе слово. Старался дочек побаловать, всегда у него находился для них гостинчик, а если приходил с работы поздно, когда девочки уже спали, то утром они обнаруживали под подушкой какую-нибудь сладость. А в день зарплаты они выглядывали отца уже с угла улицы. Шёл он, неся в руках кульки с гостинцами, а те чуть ли не падали у него из рук. Мать укоряла отца: «Балуешь ты их, Гриша, ох, балуешь». «Эх, Паня, да кто же их побалует, кроме меня? Пусть радуются, пока я жив».

Как в воду смотрел. В декабре 41-го его призвали в армию. И некому стало баловать девчонок. Детство кончилось.

Насте не было десяти, старшей сестре Анне – двенадцать, когда началась война. Вначале думали, что война скоро закончится и всё будет по-прежнему. Да и отец, когда уходил, улыбался, просил не горевать, война, мол, вот-вот закончится, враг будет разбит, и он, отец, скоро вернётся. Тогда многие так думали. Однако всё по-другому повернулось. Настя помнит, как было страшно во время налётов вражеской авиации в начале войны, помнит вой сирены, помнит, как бежали они в бомбоубежище, находившееся в подвале их дома. В школе занятия отменили – не было отопления, мать целыми сутками на заводе, а они с сестрой – то в очереди, карточки отоваривать, то в очереди за керосином, то на поля бобрёвские мёрзлую картошку собирать, то в Конев Бор за сучками, чтобы хоть как-то

обогреть комнату. Котельная в доме уже не работала, у всех в комнатах стояли металлические печки для обогрева. Топливо для печек доставали кто где мог. Весной Анна и Настя вместе с другими ребятами со двора ездили за сучками в Конев Бор. Из старых тряпок сшили мешки с лямками, в них под завязку набивали сучки. Потом от этих сучков вся спина была в крови. Мать, придя с работы, смазывала спины дочек какой-то мазью и плакала.

Готовили на керосинке и примусе. Из мёрзлой картошки, которую удавалось добыть на полях за Бобреным мостом, пекли чибрики и носили матери на завод. Голодно было, на карточки много не получишь. Мать работала на заводе, где производили комплектующие для миномётов. Матери было положено 600 грамм хлеба, Насте с сестрой — по 350 грамм, как иждивенцам. Ещё на карточки давали немного подсолнечного масла, муки, крупы да кусочек мыла на месяц. Но чтобы отоварить карточки, надо было ещё и в очереди помёрзнуть. Один раз у Насти в очереди карточки вытащили. Мать чуть руки на себя не наложила. Как они тогда выжили, Настя до сих пор не понимает. В редкие выходные дни мать ездила по ближайшим деревням, продавала вещи, чтобы купить керосин и продукты. Вскоре в комнате кроме стола и железных кроватей ничего не осталось.

Когда стало совсем голодно в Коломне, мать уехала с детьми в деревню к свекрови. В деревне, конечно, тоже народ бедствовал, но всё-таки прокормиться было легче. Мать пошла работать конюхом на колхозную конюшню. Бабушка работала в поле, Настя с сестрой — при ней. Доставалось тогда детям. В поле — наравне с взрослыми: пахали на быках, жали серпами, вязали вясла, снопы, молотили цепами зерно, лущили подсолнухи. Да ещё 30 соток своего огорода, где сажали картошку, лук, подсолнухи, просо. У бабушки была коза Зорька, давала литр молока в день — кормилица. Те семьи, в которых мужчины по каким-то причинам не попали на фронт, те, в которых кто-то работал в магазине, или на складе, или в правлении колхоза, жили побогаче. У председателя правления было две коровы. Настя с Анной рвали

траву, зарабатывали себе молоко. За два мешка травы жена председателя давала литр молока. Но это летом, а до лета надо было ещё дожить. К весне все запасы подьедались, варили щи из лебеды, в муку добавляли толчёную кору, картошку, крапиву, лебеду, пекли хлеб.

Мать ходила в Сасово на рынок, продавала всё, что можно было продать, чтобы справиться дочкам обувь, одежду или купить продукты. Однажды по весне взяла с собой Настю. Навязали два мешка семечек, насушенных с осени, и пошли. Мешки тяжёлые, путь неблизкий — 30 км. Вышли рано, до света. Начинал моросить мелкий дождь. Пока шли, дождь всё усиливался и наконец превратился в ливень. Перед самым городом лежал овраг. Тонкий ручеёк, струящийся по дну оврага, от ливня превратился в шумящий бурный поток, почти непроходимый. Мать встала по грудь в бурлящей ледяной воде. Настя подавала ей мешки, а она перебрасывала их на другой берег. Потом перетащила и Настю. Повезло, что на берегу рос какой-то куст, за который мать и держалась. Если бы она выпустила куст из руки и поскользнулась, утонули бы обе. Еле выбрались на другой берег, промокшие до нитки. Лапти размокли, разорвались, шли в чулках. Хорошо ещё, что чулки были толстые, связанные из овечьей шерсти. Из последних сил доплелись до города и постучались к знакомым. Те, увидев их, ужаснулись, но без лишних слов тут же переодели в сухую одежду, дали по стакану горячего молока и маленькому кусочку хлеба. Настя грела замёрзшие руки о горячий стакан и пила молоко маленькими глоточками, наслаждаясь. Спать их положили на тёплую печку. Утром проводили в дорогу. Анастасия Григорьевна до сих пор с благодарностью вспоминает тех людей. Семечки они с матерью продали, купили сахар, соль, крупу, мыло, спички.

Несмотря на войну, Анна и Настя учились. Ходили в школу в соседнюю деревню Кучасьево за 7 километров. Все деревенские ребяташки ходили вместе. Вставали очень рано, чтобы успеть к началу занятий, шли полями. В темноте посверкивали волчьи глаза. В войну волков развелось очень

много, некому было их отстреливать. Хищники сбивались в огромные стаи, нагло заявлялись в деревню, подкапывали земляные полы сараев и резали скотину. Собак в деревне не осталось, всех загрызли волки. Бабушка Женя козу Зорьку держала в кухне, чтобы та не досталась волкам.

В самые сильные морозы школьники оставались в Кучасьево, колхоз снимал для них избу.

В 43-м пришла похоронка на отца. Мать закаменела, боялись, умом тронется. Вот так в 32 года осталась она вдовой. Отцу на момент гибели было 37 лет.

Отца Настя запомнила высоким, широкоплечим, весёлым...

Ирина Свиридова

г. Санкт-Петербург

ЭПИЗОДЫ СУДЬБЫ

Памяти Свиридова Павла Григорьевича

— Разведка где? — в сердцах комдив кричал. —
Где данные? Ну, что вы там юлите? —
На карте что-то нервно отмечал...
Комэск сказал: Свиридова пошлите!
— Свиридова? Так он — пацан совсем!
Словам таким комэск не удивился...
— Да, молодой... Но нос утрёт он всем!
Он в самолёте, видимо, родился! —
Комэск с улыбкой доброю сказал. —
Ему лишь 23, а он летает,
Как будто бы сто лет уже летал...
Он небо сердцем чувствует и знает!

— Свиридов, Паша, ночью полетишь.
Тебе задание одно — разведка боем.
Где точки огневые, поглядишь,
А мы тебя от мессеров прикроем.
И на рожон не лезь! Живым вернись!
Бездумный к чёрту риск! Не 41-й!
Всего ценнее, Паша, в жизни — жизнь,
А остальное дурь одна да нервы...

Темнело... Вылетали впятером...
За солнцем вслед их путь лежал на запад...
Исчез из вида лес, аэродром,
Сгустились тучи... С неба стало капать...
— Ребята, дождик — это хорошо,
Фашист не любит мокрую погоду, —
Подумал Павел. — Братцы, я пошёл!
И в облака нырнул, как будто в воду...

Над Узловой на бреющем летел...
Всё как всегда — вагоны да машины.
Он в окна будто заглянуть хотел,
Узнать, что там придумали вражины...
За Узловой поля... поля... поля...
Стоят стога неровными рядами...
Глядит во тьму так, что глаза болят...
— Эх, чёрт возьми, была б удача с нами!

Вдруг промелькнул в стогах неясный свет...
Успел подумать: что же это было?
Круг, разворот, чтобы найти ответ,
Но всё внизу недвижимо застыло...
И снова вниз на бреющем, и вот
В ночную мглу летят на землю банки*,
За ними вслед ударил пулемёт!
В эфир летит: «Квадрат 13 — танки!»

И что тут началось... Огонь кругом!
В эфир спокойно: школа — три зенитки!
В квадрате девять — автобатальон
Вдоль полотна сложил свои пожитки.
У водокачки справа — пулемёт,
Зенитки — слева, дальше склад с горючим...
— Быть может, там нас кто-нибудь и ждёт,
Но, вражий потрох, мы тебя проучим!

Бить надо точно, так как мало бомб!
Ещё заход, взрыв — и горят цистерны...
Огня и дыма кверху взвился столб...
— Спокойно, Паша, берегите нервы...

Разрезал небо луч прожекторов...
Земля дрожала, лаяли зенитки,

* *Банками называли небольшие ёмкости, наполненные зажигательной смесью.*

А он прорвался выше облаков...
И гимнастёрка, мокрая до нитки,
Едва ли охладила его пыл...
Он любовался заревом пожара,
И диск Луны, как блин холодный, плыл...
Вдруг тенью промелькнула крыльев пара...

За ней другая, третья, и пошло —
Вокруг него кружили мессершмитты...
«Сажают, — думал Паша, — за село,
Наверно, думают, что я подбитый...»
Патронов нет, бессилён пулемёт...
Пошёл к земле — и мессеры отстали...
Касание... разбег и... снова взлёт!
Такого немцы, нет, не ожидали!
Опять взлетел и в облаках исчез.
— Сосна, я третий! Эй, ребята, где вы?
И вдруг в эфире, как шутил комэск:
— Спокойно, Паша, берегите нервы!
Тебя мы прикрываем, уходи...
Вот первый мессер клюнул носом к лесу...
И сердце громко бухало в груди...
— В болоте за тебя отслужат мессу...

И вот уже родной аэродром,
Вернулись все, их с нетерпением ждали!
— Ну знаешь, Паша, хитрый был приём,
Но снова риск! И... всё же жди медали!
И в уголках небесно-синих глаз
Не радость промелькнула — тень печали:
Сегодня все вернулись, а не раз
Не все домой ребята возвращались...

ЭПИЗОДЫ СУДЬБЫ

*Памяти моего дедки Вилошкина Павла Михайловича
и бабушки Вилошкиной Татьяны Ивановны*

«Скажи, родной, в какой лежишь земле?» —
Шептала тихо бабушка ночами...
И освещалось фото на стене
Дрожащими от сквозняка свечами...

«Скажи, Павлуша, где же сгинул ты,
Когда тебя сразила злая пуля?
Шёл сорок первый, и цвели цветы,
И ты уехал в месяце июле...

Поник, Павлуша, твой цветущий сад,
Колхозный сад, что ты сажал когда-то...
Призвали всех в селе — кто стар и млад...
А похоронка первой в нашу хату!

Как жили мы, легко ль мне вспоминать?
Над нами днём и ночью смерть кружила...
Одна лишь мысль, как выстрел в грудь: я — мать, —
Мне придавала смысл жить и силы.

Нельзя забыть, как вымирал народ,
Боль до сих пор терзает мою душу!
В голодный страшный сорок третий год
Я схоронила Федю и Катюшу...

Господь приветил детушек твоих —
К весне забрал и Коленьку, и Веру...
А Шуру с Вовой — старшеньких двоих —
Мне сохранил, отвёл от них холеру.

Крапива, жмых да горсть муки гнилой —
Вот чем я наших деточек кормила.

Никто не спел о них «За упокой»,
Когда тела их приняла могила...

Бомбили нас... Зимой в мороз без дров
Мы согревались огоньком коптилки,
Порою Вова приносил улов,
А Шура хворост, щепки с лесопилки...

Прости, Павлуша, не уберегла
Я всех детей, и в этом боль и беды!
Жила как все, родной мой, как могла...
И со слезами встретила ПОБЕДУ!!!

От нашего Великого Села
Остался лишь амбар да три хатёнки,
Где каждая вдова как лунь бела
И тощие от голода девчонки...

Павлушенька, ах, как зацвёл твой сад
(Но мало от него совсем осталось), —
Как будто бы он был ПОБЕДЕ рад,
Хоть вся земля в нём болью пропиталась!

В село вернулось мало мужиков —
Немногим жёнам счастье то досталось!
Рожали бабы дочек да сынов,
И жизнь в село тихонько возвращалась...

.....
Сегодня мир... Живу 90 лет...
Праправнучка вот родилась недавно!
Но боли от войны исхода нет —
Тебя убили в том бою неравном...

Пускай цветут вишнёвые сады,
Жизнь на Земле кипит, гудя, как улей...
И только память — нить одной беды —
Война убила нас одною пулей...»

ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

*Из воспоминаний ветерана
Морозова Алексея Ивановича*

— Ты думаешь, комбат был прав,
Когда ругал вчера мальчишку?

— Прав! У войны суровый нрав,
А он сидел в окопе с книжкой.
Стихи он, видишь ли, читал!
Ну право слово — малахольный...
А если б снайпер снова ждал,
Засев на старой колокольне?
Кому б пацан читал стихи?

— Да... да... ты прав... наверно, Богу...
Уже б замаливал грехи...
И похороночка — в дорогу.

Вот так ворчали «старики»,
Дымя устало самокруткой...
Туман сгущался у реки,
И становилось как-то жутко...

Прошли не первый год войны
Боями со своим комбатом
Уставшие без тишины
Простые сельские ребята.

Их окрестили «старики»,
А им всего чуть-чуть за двадцать.
Войны дороги нележки —
Всего пришлось им нахлебаться!

Светало быстро... Скоро в бой...
И жизнь и смерть там будут править...

— Я написал письмо домой,
Жаль только — не успел отправить...

— Скажи, а ты стихи читал
Вот так, как этот малахольный?
— В колхозе, друже, я пахал...
Хотя... читал, наверно... в школе...

Ракета в небе! Крик: «Вперёд!»
Комбата крик: «Сынки, в атаку!»
И по спине как будто лёд
От автоматного стаккато.

Земля вздымалась из-под ног,
Разрывы бомб глушили крики...
Земля, и плоть, и кровь, и пот —
Смешалось всё в едином лике...

Когда настала тишина,
Комбат сказал: «Живых собрать бы...»

— Ты жив, бродяга?
— Старина!
И обнимались все, как братья!

Поели, выпив за живых,
И взгляд вокруг скользнул невольно...
— Позвольте, я прочту вам стих?
— Ты жив? Чертёнок малахольный...

Валерий Соболев

г. Томск

НЕВОЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ

Вселенная, стоп!
Замолчи на минуту!
На нашей планете с названьем Земля
Зелёный мой друг, раньше крепкий как будто,
Упал неожиданно возле меня.

Зелёные лёгкие нашей планеты...
Пусть не редет защитников взвод,
Наш «дружеский» космос готовит кометы,
Возможно, на Землю в атаку пойдёт.

А раньше солдаты в бою погибали
За Родину, Сталина, землю свою...
Они умирали, но побеждали!
А мы с тобой сможем?
В открытом бою?

Друзей так обидно терять и нелепо,
Как это вот дерево после дождя...
Спасибо бойцам, что тогда, в 41-м, —
Нас всех защитили они от огня!

Анна Старостина

с. Григорьевское, Луховицкий район,
Московская область

СТЕПАН КУЛИКОВ. ПОД ВОЛОКОЛАМСКОМ

Ему не верили, а он не убеждал:
Всё было. А не верите — не надо.
И никаких наград себе не ждал:
Он жив — и это лучшая награда.

Был трудный бой в московском декабре:
Свинцовым шквалом захлебнулась рота...
И, кажется, нет силы на земле
Заткнуть огонь из вражеского дзота.

Но нет, смотри, смотри, Волоколамск,
Ползут под пулемётное стаккато,
Встают, бегут, согнувшись пополам.
И падают убитые солдаты...

Ему прошила очередь плечо,
И он упал почти у самой щели.
Ещё немножечко... ещё чуть-чуть... ещё рывок —
И пули застревают в теле.

О чём он думал, накрывая дзот?
О том, что вслед за ним пройдут ребята.
О том, что враг столицу не возьмёт.
О том, что нет ещё одной гранаты.

Он принял тридцать пуль. И вдруг — живой!
— Не может быть. Такого не бывает, —
Качал хирург усталой головой,
Свинцовый град из тела доставая.

Не может быть? Но вопреки всему
Он — есть. И вновь в строю через полгода.

И всё при нём: и мужество, и честь.
Железный сын сибирского народа.

Не верили...

А он не убеждал:

Да не хотите верить — и не надо.

Остались жить те, кто за ним бежал.

Вот самая великая награда.

2017

СТАНЦИЯ АЛПАТЬЕВО

Ротиной В.С.

Мешок огромный на спине.

В нём весу — больше, чем во мне.

А что поделать, на войне

Мы рано повзрослели.

Тяжёлый шаг, за ним — другой...

А доски гнутся под ногой,

Жарища, пот, спина дугой и силы на пределе.

В мешках — колхозное зерно.

Дороже золота оно.

Всё государству отдано,

Хоть сами без обеда.

Трудами женщин и детей —

Без тракторов, без лошадей —

Росла она среди полей — Великая Победа.

Высок Алпатьевский перрон.

Как в гору, мы ползём в вагон.

Не ждёт, торопит эшелон,

Проворнее, девчата!

А мне — шестнадцатый годок,

И ростом чуть ли не с вершок.

И перевесивший мешок рассыпался, проклятый.

Сама упала — наплевать.
Под хриплый крик: «Твою же мать!» —
На шпалы лезу собирать
По зёрнышку с откоса.
Мазутом пахнет летний зной,
Идут составы надо мной,
И у меня над головой стучат, стучат колёса.

И снова — шаг, за ним — другой,
Дощечки гнутся под ногой,
Жарища, пот, спина дугой,
И сами без обеда.
Трудами женщин и детей
Без тракторов, без лошадей,
Росла она среди полей — Великая Победа!

2016

ПЕРВЫЙ БОЙ

Я вижу его в прицеле —
Железным кружком охвачен,
Идёт на меня.
В шинели,
С оружием: враг, захватчик.
Идёт, сапогами топчет
Мои дорогие пашни...
Идёт, разрывая в клочья
День будущий, день вчерашний...
Он — воин, солдат. Всё просто —
Он сам себе ищет смерти
В полях моих, без погоста...
Так пусть забирают черти
Поганую эту душу!

...Пропал... Появился снова...
Я смелая! Я не трушу!

Я выстрелю. Я готова...
Пойду я на всё за наших:
За братьев, отцов, детишек,
За мамочку...
Как же страшно!
...Опять из прицела вышел...

Как сильно трясутся руки...
Как будто иду на плаху.
Страшат родовые муки,
Убить — ещё больше страха...
Поймала, держу на мушке:
Всё ближе ко мне он, ближе...
Блеснули очочков дужки...
Ах, как я вас ненавижу!
За то, что пришли с войною,
Дымами закрыли солнце,
За то, что своей рукою
Убить мне его придётся!

Я справлюсь. Ведь я в мишени
Стреляла.
Но им — не больно...
А здесь — человек в шинели
Живой, близорукий, стройный...
А там — за спиной — Отчизна,
Которую ОН не любит.
Там матушка, дом, там жизни,
Там наши, родные люди...
Мгновение... Выстрел...
Где он?
Упал...
Убежать! Не видеть!
Не женское это дело — ненавидеть.

ПЕРВАЯ УВОЛЬНИТЕЛЬНАЯ

Из цикла «Женщины войны»

Сегодня день волнительный:
Мы в первой увольнительной!
Идём в ближайший городок
На целых три часа!
Серьёзны мы и собраны...
А солнце светит доброе,
И в зелень наряжаются
Окрестные леса.

А мне — восемнадцать,
Подружке — девятнадцать,
А в полосе прифронтовой — немножко тишины.
Так хочется забыть про смерть и жизни улыбаться!
Пригрело солнышко весной — и будто нет войны.

Аллеи тополиные
Да улочки старинные
Сломала, покорёжила
Проклятая война.
Разбитыми витринами,
Пустыми магазинами
Встречал нас бедный городок.
Но не его вина,

Что мне восемнадцать,
Подружке девятнадцать
И в полосе прифронтовой в минуты тишины
Нам хочется забыть про смерть и жизни улыбаться.
Пригрело солнышко весной — и будто нет войны.

Глаз у подружки снайперский:
В окошке парикмахерской
Читает объявление:
«Открыто до пяти».

Ах, как же соблазнительно!..
Но мы же — в увольнительной
И есть в запасе целый час.
Ну как тут не зайти!

Ведь мне — восемнадцать,
Подружке — девятнадцать,
А в полосе прифронтовой — немножко тишины.
Так хочется забыть про смерть и жизни улыбаться!
Пригрело солнышко весной — и будто нет войны.

Прекрасными милашками
С блестящими кудряшками
Назад мы возвращаемся,
На пальцах — маникюр.
Но наш сержант невежливо
Кричал: «Какого лешего!
Сейчас я вижу не солдат,
А двух последних дур!»

Но мне — восемнадцать...
Подружке — девятнадцать...
А в полосе прифронтовой — немножко тишины.
Так хочется забыть про смерть и жизни улыбаться!
Пригрело солнышко весной — и будто нет войны.

Кудряшки в косы спрятаны,
А мы с тремя нарядами
Идём. Но буду помнить я,
Храня на дне души,
Как в первой увольнительной
Мы были упоительно
С подружкой — пока живой —
Весенне-хороши!

И мне — восемнадцать,
Подружке — девятнадцать,

А в полосе прифронтовой — немножко тишины.
Так хочется забыть про смерть и жизни улыбаться!
Так хочется, так хочется, чтоб не было войны!

Май 2015 г.

ПАМЯТЬ НЕ ТОНЕТ

Косьяненко Хатиче Серверовне

Течёт вода, холодная вода,
Босые ноги леденя напором.
Барачным глинобитным коридором
Течёт река. Куда бежать? Куда?
Закрыто всё — ни выхода, ни входа.
Ревут насосы, подавая воду.

По щиколотку, выше, по колено...

Казалось бы — четыре года плена,
Четыре года голода и мрака
Должны уже закончиться! В атаку
Идут свои уверенно и твёрдо!

Но плещется вода уже по горло.

И женщины босые в рваных платьях
Стоят и плачут в ледяных объятьях.
Прощая всех и проклиная всех,
Они стоят и держат руки вверх —
Костлявые и тонкие, как плети,
А на руках — испуганные дети!

Вода реки по имени Забвенье
Военных лет смывает преступления,
Но женщины с поднятыми руками
Стоят в воде и крепко держат... память!

Ноябрь 2016 г.

* * *

Война в любые времена — война.
А на войне мужчина — ратник, воин,
Солдат.
И жизнь у всех одна.
И у него одна.
И он достоин

Дожить её до внуков, до седин,
Идя спокойно старости навстречу.
А он один со смертью на один
Выходит в бой, в сражение, на сечу.

Выходит с автоматом, с булавой,
Под стяги, под хоругви, под знамёна.
С военным кличем, с песней боевой,
Идёт в атаку! Падает: без стоны,

С проклятием, с молитвой на устах...
Под гусеницы, берцы, под копыта.
И тело — в прах.
И память тоже в прах?..
Неправда! Нет, они не позабыты!

Назло векам, правителям, ветрам,
Не слыша маловерия людского,
Встаёт среди полей Солдатский храм
В честь пресвятого Дмитрия Донского.

Взлетает крест злачёный в небеса,
Как меч в руках зовущего на битву.
Он ждёт, что будут наши голоса
Сливаться здесь в единую молитву

О воинах, о ратниках, о тех,
Кто без раздумья жизнь отдал за други.
Прости нам, Господи, войны смертельный грех.
И отведи на следующем круге.

* * *

Не пишите о войне ради грамоты,
Ради конкурса и ради амбиции.
Не пишите безразмерно, безграмотно,
С равнодушными спокойными лицами.

Не пишите просто так, обывательски,
Если сердце ни на стук не убыстрилось,
Если руки не дрожат по-предательски,
Если грудь не ждёт внезапного выстрела.

Если видите: кофейник с арабикой,
На окошке занавески с оборками, —
Не пишите о войне. Не царапайте
Боль народную корявыми строками.

Напишите о Вселенной, помучайтесь,
О любви, в конце концов. И почувствуйте
Ритмы, рифмы. А пока не научитесь,
Не пишите о войне. Не кощунствуйте.

ОПОЛЧЕНЦЫ

Из цикла «Женщины войны»

Мозоли на руках
до крови,
Да слёзы на щеках
сохнут.
Но сдвинуты её
брови:
Попробуй, бригадир,
охнуть...
Тяжёлая, как лом,
лопата —
Налипла на неё
глина...

На бреющем летят,
гады,
Стреляя им с небес
в спины.
Заплакала земля
в голос,
Когда копали в ней
яму!
Осенняя текла
морось,
Смертельную омыв
рану...
И здесь же, под дождём
слабым,
Собравшие в кулак
волю,
Кидали мокрый грунт
бабы,
Подругу хороня
в поле...
...Остался пиджачок
блѣклый,
Короткого письма
строчки
Да карточки на хлеб
клѣклый...
А дома её ждут дочки.

22.04.2016

ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА!

*Моему отцу — фронтовому лётчику, кавалеру орденов
Красной Звезды и Отечественной войны II степени —
Тихомирову Борису Петровичу посвящается*

Сергей Николаевич Петренко вышел на балкон в тапочках на босу ногу, футболке и трико. Прикрыл дверь. Батожок прислонил к перилам. В комнате с работающим кондиционером ему не хватало воздуха. На улице в июле душно и двадцать пять по Цельсию. Воздух не шелохнётся, как замороженный. С третьего этажа всё видно в слабо освещённом дворике. Деревянные лавочки, беседка и песочница огорожены низким штакетником. Над ними — тёмные карачиные кроны. Он знает этот уголок до последней трещины на асфальте. Здесь родилось двое детей, подрастали внуки, правнуки. Все разъехались. Остался со второй женой, которая моложе почти на двадцать лет. Первая, от которой дети, — умерла.

— Серёжа! Ты лекарство принял? — Жена постучала в стекло балконной двери.

— Да-да-да! — сказал спокойно, повернув голову.

Кино по телевидению закончилось. Множество раз видел «В бой идут старики». Но последние кадры не досматривал — с некоторых пор стал сентиментальным — спазмы зажимали горло, давило сердце.

Поднял голову в безлунное небо. Несколько особо ярких звёзд через тучи висели вразной. Где-то среди них должна быть и его. На охоте и рыбалке, вдали от городского освещения, звёзды ярче, россыпью. Всегда поголгу пересматривал, как будто пересчитывал своё богатство. Но где она, та, которая была рядом в те сороковые-роковые? Которая вела его изрешечённый фашистскими зенитками ИЛ-2 к своему аэродрому. Казалось, протяни руку из кабины — и вот она, на ладони! Глядя на неё, он, коммунист, впервые перекрестился и мысленно запел. В голос нежелательно — на связи

звено штурмовиков, возвращающихся с задания, и полковая радиостанция. Засмеют, черти, поиздеваются над фальшивыми нотами! И всё-таки один куплет вырвался наружу:

*Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

Сколько раз потом пытался узнать её среди миллионов других звёздочек, мигающих как бортовой сигнал «свой-чужой»! Не мог. Да разве это главное? Главное, она оказалась рядом, поддержала морально в ту минуту, когда казалось, что самолёт от зенитных пробоев не выдержит и грохнет на вражеской территории. А для него, лётчика-аса, это был бы несмыслимый позор на всю оставшуюся жизнь! Да и помнил ещё с начала войны приказ Верховного главнокомандующего: «Сам погибай, а самолёт спаси!» Лётчиков тогда было море, а крылатой техники — озеро. Но никто из пилотов не возмущался, что его жизнь ценилась меньше металла. Страна жила по законам военного времени! И кем бы стали они, советские граждане, без этой социалистической страны?

Пришли сами собой воспоминания-размышления о фронтовой жизни. Их взбудоражил душевный фильм.

ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ-МЛАДШИМ

Весна 1943 года. Калининский фронт. Дневные полёты закончены. Лётчики собирались на грузовике ехать смотреть кино в соседнем селе, что в нескольких километрах от авиаполка. Связисты сказали, что туда доставлена кинопередвижка. Хлеба и зрелищ человеку надо в любых условиях существования! Психоло-огия...

— Поедем в парадном или в рабочем? — Лейтенант Прошин, друг Сергея, командир второго звена штурмовиков, надраивал сапоги. Он был отмечен командованием за образцовое выполнение боевых заданий. Недавно получил первую

медаль. Естественно, хотел показаться в ней. Крепить награду на комбинезон как-то недостойно. В кино обязательно будут женщины: связистки, врачи, медсёстры, иногда — поварахи. Да и перед летунами и техниками из других частей не грех покрасоваться!

У Сергея тоже были награды. Но в ту минуту форма одежды для него большой роли не играла. Главное, чтобы тепло и комфортно, — немного простыл. В центральной части России конец апреля промозглый, часто ветренный. Да и в открытом кузове — не запаришься. Но поддержать друга хотелось. Когда ещё представится подобный случай!

— Давай в парадке! — Сергей открыл шкаф и начал переодеваться. Эту форму приняли в армии недавно. Ещё не привык ни к ней, ни к погонам со звёздами — их ввели только в феврале. До этого были ромбы на воротничке гимнастёрки. Здесь же, в комнате, квартировались ещё двое лётчиков. Где-то задерживались.

Под кинозал приспособили огромную брезентовую палатку. Окна закрыты. Понатащили деревянных лавок, стульев, между которыми толстые доски для сидения. В середине — проход. Киномеханик крутится возле своего аппарата, бегаёт с проводами. Его подначивают:

— Опять будет, как в прошлый раз, плёнка рваться?

— Не должна! Эта новая, — оправдывается сержант-пехотинец.

— А как называется?

— «Серенада солнечной долины». Американское.

— Они бы лучше второй фронт открыли, мудаки. А не серенадили.

— А кино-то хорошее? Про любовь?

— Да, музыкальное с джазом. Всем нравится. Женщины вообще без ума. Плачут.

Офицеры шумно и весело разговаривали. Знакомились друг с другом. Поглядывали на женщин, сидящих рядком. Их было человек десять. Из разных служб. Кто-то из офицеров уже с ними беседовал — знакомые. Со свободными местами проблема. Ждали начало фильма.

В дверном проёме палатки появился полковник. Все сразу притихли, встали, оправались, приветствуя старшего по званию. Он огляделся.

— Товарищи младшие офицеры до капитанского звания! Прошу вас покинуть помещение!

Мужчины недовольно начали выходить. На их места продвигались вновь приехавшие выхолонные лётчики с разными офицерскими званиями и наградами. Было несколько Героев Советского Союза.

Когда отошли к своему грузовику, Сергей спросил у капитана-артиллериста из охраны аэродрома:

— Кто такие?

— Командир истребительного авиационного полка Василий Иосифович Сталин со своими орлами. У него больше всех Героев в полку. Они тут недалеко на отдыхе и пополнии. Мощные ребята.

— Сын самого Главкомандующего?

— А что удивительного? Или Сталин не мужик? Детей сделать не может? Кстати, их у него трое. Младшая — дочка. Старший Яков в немецком плену. Отец не захотел его менять на немецкого генерала Паулюса, захваченного зимой в Сталинграде. Сказал: «Я солдат на маршалов не меняю!» Я его за это ещё больше зауважал... — торопливо шептал болтливый охранник.

Прошло несколько минут. Сергей Николаевич сидел на табуретке, положив подбородок на руки, под которыми деревянные перила балкона. Хорошо жить! Просто так сидеть, дышать, думать. Ничего не делать, не хотеть. Сколько ещё лет, месяцев, дней осталось побыть на этой земле? Уходить не хочется! Но Господь и так отпустил dovolный срок, чтобы реализовать себя, насладиться всеми благами жизни.

Вспомнил прошлогодний августовский полёт на ЯК-52 во время празднования Дня авиации в местном авиаспортклубе, через который сам когда-то прошёл призывником. После войны там же работал директором, инструктором

по полётам. Сотни молодых горожан, приехавших на праздник, восхищённо смотрели тогда на него, аплодировали ветерану войны. Это была его традиция — каждый год хоть на несколько минут подниматься в небо. Слышать рядом сердцебиение пламенного мотора спортивного самолёта.

Жизнь прожил ярко, заметно. Везде, где работал, оставил о себе добрый след. В городе, без которого везде скучает, он — знаменитый ветеран войны, майор ВВС в отставке. Вся грудь от плеч до пояса в орденах и медалях, почётных значках ДОСААФ. Под их весом китель на худеньких плечах стянут вниз. В администрацию города ходит как к себе домой. На всех торжествах — почётный гость. Уже ни о чём не мечтается. Разве только о здоровье. Хотя многие фронтовые грузья гавно ушли, как говорится, в мир иной. А он задержался на этом свете. Слава Богу, в полном уме. Ноги, правда, подвожат. Без батожка — никак. Да и сердце, как изношенный мотор, начало давать сбои.

Скоро двенадцать. А сон не идёт. Может, днём перегревался. Или чувствует себя неважно.

— Серёжа, пойдём спать: поздно! — Жена выглянула на балкон. — Да и душно на улице. Не забывай про сердце.

— Про него забудешь! Да и сна нет.

Но поднялся ссутулившись. Прошёл к своей кровати.

Как по простыню, снова нырнул во фронтовые воспоминания.

ПАЛОЧКИ И ДЫРОЧКИ

— Справно поработали! Дали гадам прикурить! Все четыре бомбы — по целям! Как забегали фашистские сволочи! Огонь открыли! Опоздали, голубчики! — Голос молодого второго пилота в наушниках радостный, как у ребёнка. Пытается даже напевать: «И вместо сердца — пламенный мотор!»

Летнее солнце за спиной присаживалось на горизонт. Всё вокруг выглядит неживым, как на макете. Деревья, просёлочная дорога, заросшие колхозные поля. Людей на вра-

жеской территории нигде не видно. Какая, к чёрту, она вражеская? Советская, до спинного мозга своя, временно оккупированная врагом, которого надо гнать до самого Берлина и уничтожить, уничтожить! Как было во все века с иноземными захватчиками!

Петренко вёл двукрылый У-2 к аэродрому. Хорошая машина. Пилотажные качества уникальные. С трудом входит в штопор и выходит из него с минимальным запозданием. Один инструктор объяснял курсантам: «Самолёт У-2 состоит из палочек и дырочек. Палочки для усиления, дырочки — для облегчения!» Приколи-ист!

Ближе к линии фронта заработали немецкие зенитки. Петренко потянул штурвал на себя и в сторону, уворачивался от разрывов. Не помогло, как обычно. Левые крылья посередине пробил снаряд. Через дыру видна земля. Самолёт начал заваливаться. Удерживать штурвал машины в горизонтальном положении невыносимо тяжело. До аэродрома не дотянуть.

«Упадём! А там — плен!» Мысли искали оптимальное решение.

— Давай быстро на крыло! Закрой пробоину телом! Я сброшу скорость!

Второй пилот в шлеме, очках, перчатках и комбинезоне понял задумку командира. Быстро отстегнулся от кресла, снял планшет, чтобы ремешок ни за что не цеплялся, кобурку с пистолетом оставил сбоку на поясе и выбрался из открытой кабины. Начал осторожно двигаться к пробоине, удерживаясь за округлые борта кабины, за тросы, скрепляющие верхнее и нижнее крыло. Самолёт терял высоту. Казалось, он скоро врежется в землю.

Немцы внизу от неожиданности перестали стрелять. Такого трюка они ещё не видели!

— О, Рускартон! Русфанер! Браво! Гуд!

Даже через шум мотора слышны крики восхищения мужеством и находчивостью русских.

Смельчак добрался до пробоины и грудью лёг на неё, как на амбразуру, обхватив крыло ногами и правой рукой.

Левой — держался за трос. Петренко вывел машину на бреющий полёт. Так самолёт был недоступен для зениток. Высота не больше тридцати метров. Воспользовавшись эффектом неожиданности, экипаж удирал в сторону своего аэродрома. До него оставалось лёту минут двадцать.

Увидеть пробитый самолёт и лейтенантов выбежали на лётное поле почти все свободные от полётов и дежурств. Да-а-а! Кто бы догадался до такого?

Разговоры об уникальном случае с подбитым У-2 ещё долго гуляли по дивизии. Командир полка во время очередного построения личного состава объявил благодарность старшему лейтенанту Петренко и лейтенанту Свешину за мужество и бесстрашие, проявленные при спасении авиационной техники. Пообещал представить к повышению звания и награде.

Но вскоре Петренко оказался в немилости у начальства.

Однажды командир полка, подполковник, решил слетать за линию фронта. Что называется, воочию, а не на штабной карте, увидеть фронтную полосу, тылы противника. Оценить бомбометание подчинённых. Ну захотелось начальству! Ну нагрянула такая блажь! Может, перебрал вчера фронтowych сто грамм?

Старшего лейтенанта Петренко срочно вызвали в штаб.

— Ты у нас — штурмовик-ас, человек рискованный, непредсказуемый, как Чкалов! — Начштаба, подполковник, был серьёзен. — С тобой полетит командир полка! Будь поаккуратней, не лезь на рожон!

— А если собьют? Плен? Или убьют. Полк без командира.

— Вот я и говорю: поаккуратней. Приказы не обсуждаются! Выполнять, старший лейтенант!

— Есть! Я не обсуждаю. Я — размышляю!

Время — середина дня. Взяли сто килограммов бомб — по минимуму. Проверили боекомплект пулемётов и пушек для поражения наземных движущихся целей — автомобилей, пеших колонн противника. Взлетели, как обычно. Командир молчит, крутит головой, изучает местность сквозь

лётные очки. До линии фронта осталось недалеко. Впереди белыми фонтанчиками запрыгали разрывы снарядов. Сегодня их было почему-то особенно много. Красиво, но жутко при мысли об их попадании. От страха и стрессов некоторые лётчики лысели: после возвращения с задания снимут шлем, а в нём — волосы. Полгода таких нагрузок — и стричься не надо! Только иногда подбрасывали голову. Но работа есть работа. Страшная, грязная работа! На грани жизни и смерти. Ничего худшего для себя человечество не придумало!

— Курс — вправо на девяносто! — услышал в наушниках голос командира.

— Не понял!

— Курс вправо на девяносто градусов! Не терять время!

Приказ есть приказ. Пошёл на поворот. Полетели вдоль линии фронта.

Впереди зелёная плёнка большого болота. Чуть поодаль — деревушка.

— Начать бомбометание!

Все бомбы по два килограмма, каждая, точно легли в цель. С лягушками и пиявками было надолго покончено. Эти зелёные попрыгунчики больше не будут своим квакающим пением будоражить округу, привлекать внимание противника!

— Возвращаемся в полк! Никому ни слова!

Всю дорогу молчали.

— Ну и как командир? — спросили Петренко в комнате вечером сослуживцы, с которыми прилично выпито и съедено соли.

— Трус! Болото бомбили.

Трусость на фронте часто приравнивалась к предательству. А за это — трибунал и расстрел! Иначе нельзя. В армии до сих пор никакой демократии. И слава Богу! Правда, этот случай имел несколько другой оттенок.

Слухи о недостойном поведении командира полка в воздухе дошли до самого подполковника. И все остальные награждения, повышения в звании для Петренко проходили

с большими задержками. Приказы подписывал человек, которому хотелось выглядеть героем! Или хотя бы в глазах сослуживцев быть на равных с настоящими асами. Таких «воjak» фронтовики называли «штабными крысами». Над ними явно или за их спинами посмеивались в застольных компаниях и банях. А фронтовику, который прошёл огонь и воду, палец в рот не клади — хребет вытащит вместе с печенью! А может, и яйца прихватит. Это вам — далеко-о не Василий Тёркин!

Петренко всю дальнейшую жизнь сожалел, что рассказал про командира. Вспоминал русские пословицы. Язык мой — враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет! Правда — хорошо, а счастье — лучше! Держи язык за зубами, а то потом понос не удержишь!

Через несколько дней после злополучного полёта в штаб пришли старики-крестьяне из села, что возле болота.

— Что же это, сынки, получается — славные соколы бомбят болото! Так мы фашистов никогда не победим. Наши дети тоже на фронте. Ждут помощи. Погибают. Мы молимся на вас, защитники вы наши!

Крестьян успокоили, что это — ошибка техники, что такое иногда случается. «Спасибо за сообщение! Виновные будут наказаны!»

Но стыд не дым — глаза не выест. Да и против ветра, то есть начальства, не попрёшь! Себе дороже выйдет. К тому же ты связан воинским уставом: младшие по званию беспрекословно подчиняются старшему. Отсюда — дисциплина! А мораль даже на гражданке — не хозяйка. И война здесь вообще ни при чём. Лю-юди!

...Быстро сказка сказывается, долго дело делается. Но быстрее всего в мире — мысль. За несколько секунд успеваешь столько передумать, вспомнить, принять решений, что в одну книгу не помещается. Надо четыре! Как «Война и мир» Льва Толстого.

Сергей Николаевич покашлял, поворочался, повернулся на бок. Сопящая жена видела десятый сон. А он не мог вы-

рваться из воспоминаний. Что-то разморило на них. Сцену объяснения в любви из вечернего кинофильма вспомнил. Романтизм. Да, он был даже там, на переговой. Потому что — люди, потому что — нравятся друг другу. Инстинкт размножения. И никуда от этого не уйти, где есть мужчины и женщины. Природа своё возьмёт! А весной — тем более: щепка на щепку лезет! Хотя какая щепка попадётся — может и круглый год залезать.

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Сергей познакомился с нею случайно. Так всегда бывает. Раз — и повезло! Два — и сматывай удочки! Просчитать подобную встречу, подготовиться к ней во всеоружии невозможно. Придёт удача — варежкой не хлопай! Иначе потом десять раз сожалеть будешь. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать — и пожалеть!

Петренко проснулся от резкой боли в паху. Сосед сидел на кровати в натальном белье.

— Ты что расстонался? Мало того, что храпишь с присвистом, спать не даёшь. Заболел?

— Не знаю. В правом боку резкая боль. Днём заметил.

— Может, аппендицит? Да ещё гнойный. Не шутики! Сходи в МП (медпункт). Там на днях новый врач объявилась — говорят, симпатичная, строгая, никого к себе не подпускает. Из тыла. Бы-ыстро тебя вылечит!

— Шутник! А сколько времени?

Командирские светящиеся часы на руке — подарок командования — показывали половину двенадцатого.

— Ты шоколадку возьми! А то поднимешь человека среди ночи.

— У неё работа такая...

Но шоколадку взял. (Их выдавали лётному составу вместе с дополнительным пайком.) Не спеша надел синюю шинель, фуражку. Ночью в конце апреля в Белоруссии ниже нуля. Вышел из казармы, где переливался на разные трели храп лётного состава. Вот где соловьям учиться, уроки брать!

Луна освещала вместо фонарика. Свой Сергей не включал. Лишнее освещение – это любопытные глаза и уши. И не всегда доброжелательные.

До МП недалеко. Шёл неторопливо. Внимательно смотрел под ноги, чтобы не поскользнуться на лужах.

В отдельном домике, обжитом под медпункт, в глубине окна, как лунный, слабый свет. Светомаскировка.

Постучал двумя пальцами в стекло. Потом – погромче. Минуты через три дверь открыла женщина, одетая в офицерский френч с накинутым на плечи белым халатом. На голове не по уставу – вязаная шапочка. Похожа на привидение, которое за собой закрыло входную дверь на щеколду.

– Здравия желаю! Извините, что так поздно. Боюсь, до утра не дотерплю. Больно!

В полумраке шли к свету. В небольшом коридоре горела печка-буржуйка.

– Я уже спать приготовилась, разделась. Что у вас? – На него смотрели строгие открытые глаза. Тёмные при свете керосиновой лампы. Лицо миловидное. Лет около тридцати. Каштановые волосы собраны на затылке. Ушки – небольшие, без серёжек.

– Боль с перерывами в правом боку.

– Раздевайтесь! Ложитесь на кушетку. Ваша фамилия, имя, отчество? Из какого подразделения?

На письменном столе сдвинула в сторону бумаги и стала заполнять журнал больных. Сергей разделся до нательного белья. Шинель и форму повесил на гвозди в стене, покрытой зелёной масляной краской. Утеплённые сапоги – под них. Почему-то вспомнились яловые сапоги в начале войны – в них для теплоты вместе с портянками наматывались газеты. На деревянной кушетке под голову сделан выступ. Сверху – простыня. Жёстко.

Врач над цинковым ведром загремела рукомыником. Вытерла руки вафельным полотенцем.

– Опустите кальсоны. Поднимите рубашку и подогните колени!

Руки — холодные. Мышцы на животе непроизвольно напряглись.

— Расслабьтесь!

Начала аккуратно давить пальцами по всему животу. Сергей видел не только квадратики своих мышц, но и всё ниже.

— Здесь больно? А здесь? Красивые мышцы. И на ногах тоже. Качаетесь?

— Поддерживаю. В Оренбургском лётном военном училище спортом занимался.

Врач сильно надавила справа низ живота и резко убрала руку. Руки небольшие, сильные, без колец.

— Ой! — Сергей сморщился.

Повторила приём. Результат тот же.

— Мне кажется, у вас аппендицит, товарищ капитан! Уж не у фрицев ли прихватили вместо трофеев? Утром надо ехать в дивизионный лазарет. Там скажут точнее. Выпишу направление. А пока дам пару таблеток анальгина — болеутоляющее. Выпейте! Одевайтесь. Низ живота откройте. Не жарко. Дрова закончились. Я сказала заму по тылу. Пообещал.

Принесла немного льда в пол-литровой банке и старенькое фланелевое одеяло. Банку — на аппендицит. Сверху — одеяло. Села к столу читать бумаги.

— Полежите минут пятнадцать — двадцать. Посмотрим.

— Как вас зовут? А то как-то неудобно. Я сказал про себя всё. Могу ещё добавить не для протокола. Не женат. Но женщин люблю. Это как считать — болезнь или слабость? Лечить не надо?

— Старший лейтенант медицинской службы Светлова Венера Александровна! Не замужем. Развелась и уехала на фронт. Думаю, лечить любвеобильность не стоит. Говорят, с годами сама проходит.

— А вы случайно не родственница поэта Михаила Светлова? «Гренада, Гренада, Гренада моя!» В школе учили.

— Даже рядом не сидела. Кстати, это у него литературный псевдоним. А у меня — девичья фамилия.

Голос без эмоций, доверительный. Немного по-волжски окает. Когда улыбается, появляются ямочки — редкий дар

природы. И на подбородке — небольшая ямочка. Иногда пощёвываает, прикрывая рот рукой.

— Да вы ложитесь! За день намотались. А я отлежусь, входную дверь прикрою.

Светлова ушла. Но дверь в её комнату не хлопнула.

Петренко отключился неожиданно, как репродуктор выдернули из розетки. И резко проснулся. Замёрз от холодной банки. Посмотрел на часы — прошло пятнадцать минут.

Встал, размялся. Боль как будто утихла. Надо идти в казарму — выспаться. Утром — полёты за линию фронта.

Решил попрощаться. Погасил керосиновую лампу. Взял фонарик. Прикрыл пальцами пучок яркого луча и тихонько пошёл в спальню. Дверь полуоткрыта. Рассеянным светом поводит по небольшой комнатке. Шкаф для одежды. Прикроватная тумбочка с круглым настольным зеркальцем. Небольшой холодильник, явно трофейный. Два стула. На узкой кровати под ватным одеялом Венера. Большие глаза смотрят на Сергея.

— Пришёл поблагодарить. Вроде полегчало. Забыл отдать шоколадку за оказание первой медицинской помощи. Подмёрз немного.

Он шёл к кровати, как под гипнозом. Неведомая сила тянула к изголовью. Опустился на колено и нырнул в глаза. Едва расслышал:

— И меня знобит, и сон не идёт!

Петренко погладил распущенные мягкие длинные волосы правой рукой, а левую подsunул под голову доктора. И — поцеловал в полуоткрытый рот. Несильно. Благодарно. Потом сильнее и дольше. В ответ почувствовал ответное движение губ.

И тогда начал покрывать жаркими поцелуями лоб, глаза, щёки, шею. И пошёл дальше — в вырез ночной рубашки.

Венера глубоко задышала. Обняла Сергея за шею и потянула к себе. Из-под одеяла дохнуло запахом женского тела. Как он давно не слышал его! Ежедневные привычные запахи — прокуренная одежда, портянки и носки с тяжёлым запахом мужского пота. Запахи авиационного бен-

зина и холодного металла самолёта. Да ещё едкий запах гари от пожарищ. Никакой романтики!

Женские запахи – это другой мир! Там нет войны, там уютно, сладко и ласково. Они будоражат воображение. Заставляют терять голову и контроль над собой.

Сергей быстро сбросил китель и брюки на стул. Нырнул под одеяло. Как там хорошо! Под ночной сорочкой упругое тело. Груды небольшие, плотные. Добраться до них можно только подняв сорочку. Руки делали всё автоматически – не забыли, родимые, мирную жизнь!

Соски твёрдые, большие. Во рту как будто наливаются соком.

Венера начала постанывать. Раздвинул ей ноги. Сбросил неудобную подушку на пол. Закинула голову вверх.

.....

– Ой, ой, а-а-а!

Венера сильно вздрогнула.

– Ма-амочки, как хорошо-о!..

Вздохнула, обхватила Сергея ногами и руками и держала, как будто боялась потерять.

Лежали на боку и нежно целовались.

– Ты – сильный! Я поняла по мускулатуре. У меня что-то заклинило. И я захотела тебя. Думала, если уйдёшь, значит, не судьба. А ты догадался. О-опытный. А у меня мужчин уже полгода не было. И вот!.. Кстати, как твой аппендицит?

– Да вроде молчит.

– Ты завтра после отбоя всё равно загляни. Посмотрю. Ты – хоро-оший!

До казармы не шёл – летел, как на крыльях самолёта. Офицеры спали. Даже дневальный глубоко дремал, сидя на корточках возле тумбочки и опустив голову между ног.

Засыпая, Петренко вдруг вспомнил, что они с Венерой, не договариваясь, перешли на «ты».

После отбоя следующего дня пошёл в МП. Гладко выбритый. Брызнутый Тройным одеколоном. Сосед съязвил: «Ни пуха и ни три пера!» А хрен с ним – пусть завидует. Это нормально. Хуже, когда не завидуют, – не стоишь того!

Ночь была теплее предыдущей — возле нуля. Дышалось легко, радостно. Кажется, даже луна была другой — улыбалась. Аппендицит не подавал голоса. Молодец! А то — госпиталь! операция!

В домике все окна тёмные. Неужели уснула?

— Сергей! Я здесь.

Венера сидела на лавочке за углом.

— Добрый вечер! Вышла подышать. Хорошо-о! День был ужасный.

Присел рядом. Обнял за плечи. Поцеловал в губы — здравствуй!

— Вот смотрю на Венеру! Звезда — самая яркая. В честь неё назвали меня. Видишь её — много чего думается. Я иногда с нею разговариваю, как с подружкой. Не перебивает, не даёт дурацких советов. Особенно много делилась с нею размышлениями, когда уходила из дома во время ссор с мужем. Слабак был: сам не может, а меня обвиняет.

Пить начал. Кулаки распускать. Унижать при друзьях. А сам — яйца выеденного не стоит. Дай Бог ему здоровья!.. Как будет после войны? Куда нас раскидает мирная жизнь? А ведь она всё равно будет. Не может весь этот ужас длиться вечно. Раненые, калеки. Сколько сильных и умных мужиков полегло. Когда восполнится? Бабы одни. А жить надо. Хочется иметь детей, вырастить их. Окружить заботой. Доживём ли до этой мечты?

— Война должна скоро закончиться. Граница рядом. До Берлина — рукой подать. Это не до Москвы шлёпать!

Венера молча прижалась к шинели. В темноте стала как-то ближе, родней. Обнял за плечи. Взял прохладные руки в свою левую. Помял, чтобы согреть.

— У меня тоже есть своя звезда. Не знаю, правда, где. Когда в подбитом самолёте возвращался в полк, была рядом с кабиной. Думаю, без её помощи вряд ли бы выжил. В такой ситуации поверишь во что и в кого угодно. Даже запел. «Гори, гори, моя звезда, звезда любви приветная! Ты у меня

одна заветная, другой не будет никогда». Потом летуны, которые были на связи, посмеивались: «Звезду Героя захотел? Обязательно получишь в Берлине!»

Я тогда по-настоящему в Бога поверил! Но никому не говорю. Всё равно есть какие-то добрые силы, которые спасают в тяжёлые моменты жизни. Может быть, это ангелы-хранители? Мне о них бабушка рассказывала в деревне. И о Боге тоже. У неё были старые маленькие книжки в негнущемся переплёте с молитвами и жизнеописанием святых. Она хранила их в рушнике, в глубине большого комода под бельём. Иногда доставала. Других книжек в деревне не было. Читала мне не спеша по-старославянски. Окончила два класса церковно-приходской школы, дальше учиться не смогла — работала. Я — малец, ничего не понимал. Странно как-то написано. Не по-русски. Разъясняла. Думаю, сама не очень-то разбиралась во всей этой мудрёной науке. Говорила: «Внучок, ты, главное, — верь! А понимание придёт. Жизнь у тебя большая впереди. Но Бога не забывай! И он о тебе вспомнит в нужную минуту!» Откуда в этой безграмотной украинской женщине такая жизненная мудрость?.. Я не утомил болтовней?

— Интересно. Вспоминаю свою бабушку. Очень похожа на твою. Такая же добрая, мудрая. Почти всю жизнь они прожили при царе. Со своим деревенским укладом, привычками, философией. Были ли счастливы? Главное — были людьми при другом строе. Какая печаль человеку, в какое время жить? Не он выбирает место и день рождения. Сам-то остаётся неизменным — руки, ноги, голова, сердце, печень, душа. Главное — оставаться ЧЕЛОВЕКОМ! А всё остальное зависит от мозгов и воспитания... Что-то я подмерзать начала. Пойдём попьём горячего чайку с шоколадкой! Посмотрим твой аппендицит.

Алюминиевый чайник на буржуйке согрелся быстро. Зам по тылу не обманул — поленьев солдаты нарубили в достатке. В доме тепло. Уютно. Зажгли керосиновую лампу. Петренко без сапог. Снял при входе, чтобы не топтать вымытый Венерой пол. Прилёг на кушетку. Спустил брюки.

Венера ласково начала гладить живот. Потом резко надавила пальцами пах и отпустила. Вчерашних болей не было. Как приятны её прикосновения! Тёплые руки опустились ниже — решили помять и поласкать младшего брата. Он встрепенулся. Гордо приподнял головку. Вот оловянный солдатик! Петренко обнял Венеру за крепкие стройные ноги. Прижал к себе. Как хорошо! Так бы и лежал до пришествия Христова!

— Я не понял, что с аппендицитом?

— Скорее всего, было что-то нервное. Перегрузился. Такое бывает тоже. Симптомы одинаковые. Слава богу, обошлось.

— У тебя спиртику не найдётся? — Сергей встал, оправился.

— Думаю, для хорошего человека — да!

Достал из шинели шоколадку. Улыбнулись. Венера сходила к холодильнику. Принесла банку американской тушёнки, кусочки нарезанного хлеба, лапшу с ужина в железной миске. Она первой в полковой столовой снимала пробу пищи. Это входило в её обязанности. Повара чем-нибудь дополнительно угощали, оказывали знаки внимания. Нравились солдатам: не кричит, не ругается. Всё спокойно, по-деловому.

Накрыли угол стола газетой «Правда». Этот главный печатный партийный орган страны привозят в полк вместе с другой корреспонденцией и письмами-треугольниками. Сергей посмотрел число: четверг, 24 апреля 1944 года. От бабушки знал, что високосные года всегда переживаются труднее обычных. Вспомнил «Правду» за 14 января 1942 года, где было опубликовано стихотворение Константина Симонова «Жди меня!». Оно стало для всей страны гимном всепобеждающей любви, которой не страшны никакие испытания! Личные строки, адресованные конкретной женщине, оказались близкими и родными для каждого воина — от рядового до маршала. Для каждой девушки и женщины, живущей в прифронтовой полосе или в глубоком тылу и ждущей своего мужа, жениха, брата. Для каждого, у кого бьётся любящее сердце,

это произведение стало молитвой! Его высылали переписанным от руки на фронт и с фронта в тыл. Его знали наизусть и шептали в тяжёлые минуты. Газеты после прочтения уходили солдатам под табак на курево — козы ножки. Сигареты и папиросы были в основном для офицеров. Но «Жди меня!» аккуратно вырезалось и хранилось на груди возле сердца в военном, партийном или комсомольском билете как талисман. Такого феномена в литературе больше не было!

Сергей открыл банку принесённым перочинным ножом. Выложил мясо в лапшу, перемешал и отнёс на буржуйку. Через несколько минут вернулся с подогретой закуской. Венера достала алюминиевые ложки, початую пол-литровую бутылку со спиртом. Сергей разлил по мензуркам. Добавил воды из алюминиевой кружки.

— Здравствуйте! — Неожиданно это слово вырвалось у него вместо тоста.

Венера радостно смотрела на него и улыбалась. Потом рассмеялась, открыв рот, полный крепких зубов. Она была счастлива! Как будто не война за окном, а далёкая мирная жизнь. Когда рядом человек, который нравится и которого хочется. На которого можно смотреть не отрываясь. И думать о чём угодно. И всё это «что угодно» объединяет в себе только хорошее, доброе, радостное.

— Здравствуйте! Если не шутите!

Одним глотком выпили. Занюхали хлебом. Закусили лапшой по-флотски.

— Студенткой научилась пить спирт в Томском медицинском институте! — Венера как бы оправдывалась перед Сергеем, который удивлённо на неё посмотрел.

— Жаль, я не Константин Симонов и не могу написать для тебя «Жди меня!». Ты такая красивая! Мне так хорошо с тобой, как будто мы не два дня знакомы, а долго-долго.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Серые дожди...

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Сергей читал с выражением, как учили в школе, глядя в большие Венерины глаза. Поднялся с табурета и наклонился над нею. Она радостно подняла голову и приоткрыла губы. Поцелуй был до-олгим. Сидя на табуретке, обняла его за бедра. И такой надёжностью и теплотой повеяло от мужчины, что у неё появились слёзы. Шмыгнула носом.

— Давай ещё понемножку!

Приятно лежать вдвоём на узкой и жёсткой кровати. Забыть про время. Слушать сердца друг друга и без логики говорить. Иногда просто звуками. Ощущать руками каждую складку кожи, изгиб тела. И всё это хочется целовать и ласкать одновременно. Обмениваться собственной энергией друг с другом. А потом...

Потом поработать нужными органами. До крика восторга от радости совокупления. И упасть снова в объятия друг друга. Лучшего счастья не бывает! Пусть завистники пустословят и исходят на желчь! Их слова не в силах разрушить возникшую гармонию влюблённых душ. Господи, пусть таких душ будет больше! Они своим счастьем зальют всё пространство и привнесут гармонию в наше проблемное существование.

События развивались бурно. Советская армия перешла границу своих рубежей. Враг чувствовал свой близкий конец. Огрызался со злостью загнанного в угол раненого зверя. Всё больше самолётов не возвращалось на аэродром.

...Сергей с Венерой сидели за ночным столом в МП и тихонько разговаривали. Вспоминали мирную жизнь, друзей. Смеялись, радовали друг другу. Целовались.

— Давай помянем наших погибших товарищей! Они теперь явно на небесах. Потому что лётчику нельзя без

неба! — Сергей выпил очередную мензурку разбавленного спирта. Закуска сегодня была побогаче — Венера постаралась. Даже солёные огурчики и орская копчёная колбаса. Вку-усная! Да и чувствовало трепетное женское сердце какие-то перемены в своей судьбе не в лучшую сторону. Венера смотрела на Сергея не мигая, словно хотела запомнить его мимику, черты лица на всю жизнь. Жаль, внутренняя фотосъёмка быстро сотрётся калейдоскопом безрадостных тяжёлых событий. Память — продукт скоропортящийся!

— Я боюсь, что мы по ночам больше не увидимся. Командование прислало приказ: в связи с большой потерей лётного состава в дневное время перейти на ночное бомбометание.

На глазах у Венеры выступили слёзы. А всё начиналось так хорошо! Как мало оказалось им отпущено судьбой счастливых минут. Не наговорились, не наласкались, не налюбились...

В постели была особенно нежной. Хотела, чтобы Сергей запомнил её ласковой и любящей. Мысленно прощалась навсегда. Хотя где-то в глубине сознания, как родничок в лесной заросли, нашёптывала мысль: может, всё изменится? Может?.. Она целовала его, вытянутого на животе, от кончиков пальцев на ногах до волос на голове. Мягкими волосами проводила по телу, поднимая приятные мурашки. Слизиывала их языком. Они становились ещё больше. Сергей аж прогибался от удовольствия...

.....

— О-о-о! — Венера содрогнулась в последний раз. Зажала ноги и не выпускала из себя, беспорядочно целовала его лицо, губы. — Как я тебя люблю! У меня такого праздника ещё в жизни не было!

— И я тебя люблю! — Сергей был искренен. — Ты как будто растворяешься во мне. Спасибо, родная!

Ничем не прикрываясь, пошли за стол, где приглушённо горела лампа. Подмылись водой из чайника. Хотелось видеть друг друга обнажёнными.

По мензуркам разлил спирт.

— Давай выпьем за удачу, которая нас познакомила!

И друг за друга! И пусть это нам когда-нибудь зачтётся. Твои ямочки на щеках и твои груди я вспоминаю всегда. Даже когда с ненавистью бомблю фашистов. Про сны вообще не говорю — ты в них с первой встречи.

Сергею казалось, что это — ошибка жизни, если не будет больше таких душевных встреч. А впереди — раз-лу-ка! Выпил вдогонку предыдущей мензурке. Из кружки — глоток холодной воды. Не закусывал. Венера стояла сзади. Молча гладила его волосы. Что-то шептала.

— Ты что там шепчешь?

Молчала, пока не закончила.

— «Отче наш!»! Бабушка научила. Пусть Господь услышит мою молитву и поможет в дальнейшей жизни! Чтобы мы остались живы и встретились после войны. Я тебя буду долго помнить и ждать. Наверно, всю жизнь!

Снова пошли в постель. Спать не хотелось.

Её тело было мягким, податливым. Сергей целовал его от лица через грудь до пят. Пальчики на ступнях нежно покусывал. Венера взвизгивала и смеялась от щекотки:

— Ты что делаешь, хулиган! Так хорошо! Не-пе-ре-да-ва-е-мо!..

Когда вошёл в неё, показалось, что Венера потеряла сознание, — лежала не дыша. Неторопливые качающиеся движения. И тут в ней проснулась дикая кошка. Ногтями начала царапать спину, бока, грудь...

.....

Венера лежала на животе, плакала и всхлипывала, как обиженный ребёнок. Он гладил её волосы. Целовал шею, спину.

— Ты была богиней! Такую ночь долго не забуду!

— Ты был богом! Или Гераклом! Прости, если что не так получалось. У меня нет опыта, как у тебя.

Приподнялась. Обняла сидящего на краю кровати.

— Никому не отдам! Ты — только мой! Как приятно говорить такие слова. Они резонируют во мне счастливым эхом. Я люблю тебя! Люблю!! Люблю!!! — И снова тихо заплакала, вытирая слёзы простынёй.

...Делали по шесть—восемь ночных вылетов. На аэродроме быстро заправлялись горючим, заряжали пулемёты, вешали бомбы. В том числе и САБы — светящиеся (осветительные) авиационные бомбы. В крошечной темноте порой при мелком дожде в тылу противника фосфорически светились только реки и железнодорожные пути. При подлёте к цели на парашюте сбрасывали осветительную бомбу. Была видна цель для смертоносного груза. Бомбили от души: железнодорожные станции, склады с горючим и боеприпасами, передвижение техники, скопление живой силы противника. Возвращались — и снова в небо! Готовилось масштабное наступление советской армии по всему фронту. На десятый день при возвращении на аэродром попал в перекрёстный свет немецких прожекторов. Был сбит зенитками. Кое-как готянул до своей линии фронта. Упал вместе с самолётом на болотистую землю. Сломал ногу и несколько рёбер. Утром из перекорёженной кабины вытащили крестьяне. На телеге отвезли в лазарет.

А его лётный полк вместе с Первой воздушной армией продвигался на запад, к Берлину. Петренко отлёживался на больничной койке. Времени для размышлений было много. Врач сказал, что нога в гипсе срослась неправильно. Надо ломать и делать снова. Иначе к полётам не допустят. Отказался. После выздоровления комиссовали в тыл. Стал учить молодых курсантов лётному делу.

Дважды писал на полевую почту. Письма-треугольники возвращались. Послал запрос в штаб полка. Получил ответ, что капитана медицинской службы Светлову Венеру Александровну перевели куда-то и никто не знает, где она. Скорее всего — не захотели. Завидовали влюблённым! Их фронтовой роман был известен многим. Каждый в армии как горошина на лагони! Некуда спрятаться. Конечно, если послать запрос в отдел кадров главного военного управления, то...

Но послевоенная жизнь крутилась, как лопасти пропеллера. Лучше отойти в сторону, чтобы не размолотило на части.

Встретил новую любовь. Женился. Пошли дети.

На встречах по патриотическому воспитанию с учащимися и студентами рассказывал об Осоавиахиме, о разных типах самолётов, сражениях под Москвой, Сталинградом, где получил орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», о Курской дуге, освобождении Белоруссии. С горечью вспоминал о грузьях-товарищах, погибших ради сегодняшнего светлого дня. Но никогда не обмолвился о фронтовом докторе! Отмалчивался, если в компании офицеров разговор заходил о любовных похождениях, которые случались на войне. «Некогда было... Кандидатуры подходящей не нашёл... Не повезло...» Не хотел вслух теребить память о далёкой и близкой Венере, старшем лейтенанте медицинской службы. Всё равно поймут не так, переврут из зависти и глупости. До жены дойдёт, расстроится! Эта память — глубоко личное, святое! Руками и языком не трогать!

Глядя в ночное небо, всегда находит Венеру — самую крупную звезду. Иногда она подмигивает и что-то шепчет романтическому слушателю. Такая звезда никогда не погаснет, не потеряется на огромном небосклоне жизни. Как любовь, которая хранится в самых дальних закромах души под грифом «Совершенно секретно!» и которую глубоким стариком так отрадно вспомнить.

«Умру ли я — ты над могилою гори, сияй, моя звезда!..»

Людмила Чебышева

г. Воскресенск, Московская область

* * *

Не забывайте о войне,
О не вернувшихся солдатах,
Сожжённых заживо в огне,
О стариках на баррикадах,

Об искалеченной судьбе
Детей в блокадном Ленинграде,
Слезях и горе матерей,
На Красной площади параде,

С которого на смертный бой
На фронт шли юные ребята,
Погибших пополняя строй.
Прошу, храните память свято!

Вы помните, какой ценой
Ковалась каждый день Победа,
Кто защищал наш дом родной,
Из дома письмах без ответа,

О всех измученных в плену,
О детях, детства не видавших,
О тех, кто помогал в тылу,
О всех вернувшихся и павших,

О днях трагичных, но святых,
О жёнах, матерях, чьи плечи
Всю тяжесть вынесли войны.
И пусть вовек не гаснут свечи

За здоровье и за помин души
Всех тех, кто нам принёс Победу!
Поклон защитникам страны
От нас, принявших эстафету.

Юрий Фокин

г. Воскресенск, Московская область

ПАРТИЗАНКА

Полина Власенкова жила в деревне Озеренск Ельнинского района Смоленской области. В 1941 году ей исполнилось двадцать лет. Фашисты быстро продвигались к Москве, сбивая оборону Красной Армии. По решению государственных партийных органов в районе был создан партизанский отряд, назвали его именем советского военачальника, государственного деятеля и участника гражданской войны Сергея Лазо. Командиром отряда назначили директора Коробецкой средней школы Василия Васильевича Казубского. Отряд специализировался на подрывах железнодорожных мостов. Военное командование направило на должность комиссара отряда старшего политрука, капитана Щигарцова Александра Леодоровича. Его десантировали с самолёта в районе действия партизан.

В числе партизан была и Полина. Она была разведчицей, связной, медицинской сестрой. Ей давались задания по выяснению обстановки в той или иной деревне, селе или районе. Уходя из отряда, она часто переодевалась старухой. Разведка — это постоянный, каждодневный риск. В этот раз Полине было дано задание разузнать, есть ли в такой-то деревне немцы. По своей девичьей легкомысленности девушка надела новые сапожки. Ей дали в сопровождение двух парней.

Шли они долго. На подходе к деревне увидели пастуха, пасущего корову. Ребята спрятались за кустами. Дальше пошла одна Полина. Подошла к пастуху, поздоровалась.

— Я корову свою ищу. А не знаете, немцы в деревне есть?

— Нет немцев, — ответил пастух.

Она смело пошла в деревню. Парни остались ждать её в лесу. В означенное время Полина не пришла, не вернулась она и к вечеру. Ребята подождали до утра. Девушки не было. Значит, в деревне немцы, а пастух её обманул.

Партизаны вернулись в расположение отряда, доложили командиру. Девушка может не выдержать допросов и ука-

зять место дислокации отряда, и командир с комиссаром приняли решение уходить вглубь смоленских лесов. А ребятам было приказано возвращаться и несколько дней вести наблюдение за обстановкой в деревне, по возможности выяснить, что с партизанкой. Записка с информацией о новом месте отряда будет ждать их в секретном месте.

Полину схватили полицаи. Допрашивали. Девушка повторяла свою легенду о том, что ищет потерявшуюся корову.

— Командир тебе подарил новые сапожки, чтобы ты в них искала свою корову? — усмехался допрашивающий. — Врёшь, девка.

Полину заперли в крепком сарае, откуда не сбежишь. Держали её там два дня. На третий день девушку на телеге повезли на допрос в штаб, который находился в другой деревне. Везли её два полицая. Один молодой, чуть старше её. Другой в возрасте. Старый был злой, как собака. Молодой молчал всю дорогу. Под скрип старой телеги девушка с беспокойством думала о предстоящем допросе: «Там уж не так будут допрашивать, как здесь».

Через некоторое время старый полицай с руганью на молодого остановил телегу, слез и пошёл поправлять подпругу у лошади. Тут Полина получила толчок в спину от молодого полицая. Она мгновенно подумала: «Он хочет, чтобы я побежала? А вдруг он будет стрелять мне в спину из автомата?» Девушку охватило оцепенение. Она растерялась и не знала, что делать. Но надо было что-то быстро предпринимать. Более сильный толчок вывел её из ступора. Она соскочила с телеги и побежала что было духу в сторону леса. Вслед ей раздавались ругань и автоматные очереди, но пули летели выше её головы. Потом уже она догадалась, что молодой полицай решил её спасти, подстроив незапланированную остановку повозки. Она благополучно скрылась в лесу, где её и окликнули товарищи. Партизаны побежали к тайнику, что был устроен в дупле дерева, пока немцы не организовали поиски. Узнали, куда двинулся отряд, и пошли за ним вслед. Далеко успел уйти партизанский отряд вглубь смоленских лесов.

Анна Шувалова

г. Владимир

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ. ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ. НИЗКИЙ ПОКЛОН

(Отрывок из рассказа «Их подвиг»)

Я никогда не знала ни одного своего деда. Мамины родители развелись, и она не общалась с отцом. А папин отец умер за несколько лет до моего рождения. Было как-то привычно не иметь дедушек, и я ни разу не задавала вопрос, почему у всех они есть, а у меня нет, где они и что с ними, ни себе, ни папе с мамой. Наверное, в детстве всё воспринимаешь так, как оно есть, и редко понимаешь, что, вероятно, должно быть по-другому. Не знаешь точно как, но как-то иначе. А потом в семье и не говорили ни о том, ни о другом дед. Даже бабушки не упоминали о своих мужьях. Мне и в голову не могло прийти самой их об этом расспрашивать. Мама об отце немного что знала, рассказывала сама. Папа же, напротив, о нём молчал. Почему-то меня это не интересовало, и я не пыталась его вопросами о детстве.

О том, что у папы тоже должен быть отец, я вспомнила только будучи в довольно сознательном возрасте. Мы в очередной раз приехали в деревню и пошли на кладбище. До того момента я там прежде не бывала. Подходили к могилам родственников, в числе которых оказался и дед — Шувалов Николай Дмитриевич. С фотографии на меня смотрел красивый, уже не молодой мужчина. Я сразу отметила его сходство с отцом: та же форма лица, тот же нос, такой же печальный взгляд. При этом в выражении его лица была твёрдость, сдержанность, решительность и, я бы даже сказала, некоторая жёсткость. Но портрет не отталкивал, а привлекал. Я не могла отвести от него глаз, всё стояла и смотрела, пока меня не позвали. Только тогда я вспомнила, что не спрашивала папу про деда, про детство. Так начался мой интерес к нему.

Однако про него мне мало что могли поведать. Отец говорил, что дед работал на конной ферме в совхозе, что любил

выпить, что у него случались приступы агрессии и неадекватного поведения. В такие моменты он мог сотворить что угодно. Испытывая естественное чувство страха, маленький мальчик — мой папа — убегал в лес, где прятался и ждал, когда можно будет вернуться домой.

Бабушка вспоминала только страшные случаи из их домашней жизни. Мне так и не удалось вытянуть из неё что-то большее. И только совсем недавно, как бы странно это ни звучало, от своей тёти — сестры отца — я узнала, что мой дед воевал на фронте во время Великой Отечественной войны.

Он родился 11 июня 1923 года в деревне Федотово Гусь-Хрустального района. В 1941 году в возрасте 18 лет был призван в армию, откуда его в скором времени оправили на настоящую войну. Только представьте себе мальчишку, у которого жизнь только начинается: впереди столько планов, столько естественных желаний, а ему надо забыть обо всём и встретиться лицом к лицу со смертью, голодом, ужасом, неизвестностью, болью. Другими словами, настоящим, непридуманном адом.

Что он испытывал в тот момент, о чём думал — сложно сказать, и спросить я уже не смогу. Но думаю, как и у всех других, в его душе, кроме чувства любви к Родине, присутствовало и чувство страха. Не могу поверить, что они не боялись. В глубине своего сердца боялись все. Вопрос лишь в том, что даже с этим страхом люди шли защищать свою землю, своих любимых и дорогих, многие жизни.

Так вот, начав свой боевой путь в 1941 году, дед прошёл всю войну до Берлина, сражаясь на втором Белорусском фронте, в пехоте, в звании сержанта, получил множество наград, в том числе за взятие Варшавы, и, думаю, Берлина тоже, был сильно ранен. Пуля попала ему в челюсть и рикошетом от кости ушла к сердцу. Она находилась в опасном положении, потому что любое её движение могло стоить Николаю жизни. Врачи наблюдали за ней и, видя, что движения нет, решили оставить всё как есть, дабы сохранить человеческую жизнь. Вскоре пуля обросла хрящиками и опасность миновала.

Но после победы боец не отправился домой. Он был направлен в Халхин-Гол, где Россия в то время воевала с Японией. Попасть в родную деревню удалось лишь в 1947 году. Таким образом, с 1941 по 1947 годы дедушка находился на полях боевых действий. Практически семь своих самых лучших лет он отдал войне. Ушёл, когда было 18, вернулся, когда было 25. Понятно, что тот юноша сильно изменился и не просто повзрослел. Мне почему-то кажется, что те семь лет воспринимались им как 70. И что самое обидное — документы, подтверждающие его участие в войне, были утеряны. Мне неизвестно, как именно, при каких обстоятельствах, но их не было. Тётя сказала, что делали запрос в архив, но ответ был — что архив сгорел, документы не сохранились. Вот так и получилось, что парень часть жизни воевал, дошёл до Берлина, побывал в Халхин-Голе, имел серьёзное ранение, множество наград, а на войне не был и получал нищенскую пенсию, поскольку ничего нельзя было предъявить, чтобы доказать его участие в сражениях.

Недавно я попыталась найти про него хоть какие-нибудь сведения с помощью нескольких специализированных интернет-сайтов, но тщетно. Нет документов — нет человека. И неважно, что он там говорит. Не смогла найти его даже через информацию о выданных наградах. Сильно расстроилась тогда.

Расспросы тётушки тоже много не дали. Она сказала, что они были маленькие и слишком привычным было то, что у всех кто-нибудь да воевал. Этому не придавали особого значения, принимая этот факт как само собой разумеющееся. Помнит только, что играли с куклами и с медалями. И ко всему прочему те, кто прошёл через фронт, не любили особо распространяться на эту тему, предпочитая всё держать в себе. Вот тут мне стало понятно, почему выпивал дед, почему были приступы агрессии. Какая психика выдержит 7 лет ужаса войны? А ещё я пожалела, что так мало интересовалась у отца его детством и дедом раньше, когда он был жив. Папа ушёл в 2008 году. А, как известно, мёртвые не умеют говорить.

Обидно, что не осталось наград. Все медали были растеряны. Как уж это случилось, мне неизвестно. Не видела и его фотографий, кроме той, что была на памятнике на его могиле. Другими словами, незаметно от героя Великой Отечественной войны не осталось ничего, кроме скудых воспоминаний. Конечно, условия были такие, что потеряться могло что угодно. Отчёты писались практически «на коленке», порой спустя несколько дней или недель после событий. Часто путали данные, писали фамилии с ошибками, не те даты рождения и так далее. Вообще удивительно, как удалось сохранить хоть какую-то дисциплину и поддерживать определённый порядок.

Не застала я ни прадедушку Семёнова Ивана Ивановича, ни прабабушку Семёнову Анну Дмитриевну с маминой стороны. Только по рассказам бабушки и её сестры знаю об их родителях. Точнее, то, что они сами помнят, поскольку были детьми, когда началась война. У их отца была бронь, и он мог не ходить на войну. Прадед работал бухгалтером, и у него было очень плохое зрение. Однако сидеть дома, когда вся страна встала на защиту своей земли, он не мог. Так Иван пошёл добровольцем на фронт. Его призвали в городе Собинка Владимирской области, а оттуда он попал под Сталинград как раз в тот самый момент, когда шла та кровопролитная битва. Его письмо жене было именно оттуда. Оно же было последним. Доброволец никогда больше не видел своей семьи, потому что пропал без вести. Как потом говорила бабушка, их мама, получив это известие, не верила, что муж погиб. Она ждала его всю оставшуюся жизнь, веря, что вернётся. Только горько заметила однажды: «И ради чего всё это? Ради чего было уходить добровольно, чтобы попасть в самую мясорубку и не вернуться?» Прабабушка осталась одна с четырьмя детьми в войну. Она вырастила их. Какой ценой — это второй вопрос. Но, по словам бабушки и её сестёр, Анна никогда не жаловалась и не опускала руки.

Я также пыталась что-нибудь найти о моём прадеде, но везде одна и та же информация: «Семёнов Иван Иванович, родился в деревне Кадыево, Небыловский район Вла-

димирской области. Дата выбытия 1941 года из Собинского РВК, Собинского района, Владимирской области. Рядовой, стрелок, пропал без вести. Нет данных о точках боевых действий в составе воинских частей на период службы героя». И по сей день о нём ничего не известно. Где-то лежат его останки, и никто об этом не знает. А как бы хотелось, чтобы они покоились рядом с той, которая всю жизнь его ждала и до конца верила, что он вернётся.

Невозможно оценить всё то, что эти люди сделали не только для страны, для всего мира, но и для нас — их детей, внуков, правнуков. Я не могу выделить кого-то из них в большей или меньшей степени. Это было бы нечестно. По-моему, они все герои, и я каждого, кто жил в тот период, наградила бы медалью. Кто-то был на фронте, кто-то был партизаном, кто-то тружеником тыла, кто-то просто продолжал жить, ждать и верить, что мы победим, война закончится и наступит мирное время, что вернуться близкие, родные, любимые, дорогие. Я бы наградила медалями всех тех, кто считался и считается без вести пропавшими. Разве не подвиг совершили они, отдав себя войне, оставив семьи и пойдя на осознанный риск погибнуть? Нельзя передать словами чувства тех, кто не знает ничего об их судьбе, не может прийти на могилу, чтобы положить цветы, прибраться, отдать дань уважения, низко поклониться до земли и бесконечно благодарить за подаренный мир и жизнь. Нет ничего хуже неизвестности.

Я бы наградила медалями жителей блокадного Ленинграда, которые остались в городе, умирали от голода и холода, но не сдавались врагу до самого конца, борясь из последних сил.

Отдельной награды достойны люди, прошедшие стены концлагерей и плена. Замученные издевательствами, покалеченные и больные. Все они — герои. Герои ещё и потому, что те, кому удалось вернуться домой, любили жизнь, умели ей радоваться и продолжали жить. Ведь это истинное счастье — жить. Жить в мире без войны.

Разве не герои мои бабушки, которые были детьми и жили в это страшное время? Да и сколько их таких — миллионы. А моя прабабушка? Найдёте ли вы в наше время такую пре-

данность, любовь, самоотдачу, жертвенность, мужественность, веру, когда она выживала с четырьмя детьми, проводив мужа на войну и потеряв его, но не сдалась?

Разве не герои все те, кто волей случая потерял документы, подтверждающие участие в битвах и то, что все награды заслуженные? Разве не имел мой дед право на достойное существование, отдав семь лет своей жизни и имея пулю около сердца? И таких миллионы.

Нет, не оценить их подвиг в полной мере, потому что заключается он не только в том, что они воевали. Их подвиг — это чистота, порядочность, любовь, доброта, смелость, отвага, преодоление себя, верность, жертвенность, чувство долга, ответственность. Их подвиг в том, что они сумели сохранить в себе эти качества, пройдя через жернова войны. Они сумели остаться людьми. Сумели вырастить достойных детей в таких сложных, порой просто нечеловеческих условиях.

Я жалею, что это понимание не пришло ко мне раньше, когда была возможность и время побеседовать на эту тему с теми, кто мог поделиться со мной хоть какой-то информацией, какими-то крупицами. Но я обязательно постараюсь донести до своих детей и племянников те знания, которые мне удастся найти, чтобы они гордились своими прародителями, знали правду о Великой Отечественной войне и научились любить свою Родину такой, какая она есть: неидеальной, многострадальной, но с богатой историей и великими людьми, сильной верой и духом. Искренне надеюсь, что это желание возникло не у меня одной, что вместе мы сможем сохранить и приумножить память о тех, кто сделал всё, порой даже ценой жизни, для того чтобы кончилась война со всеми её кошмарами, дабы обеспечить своим детям, внукам и правнукам мир, спокойствие и голубое небо над головой.

Хотелось бы верить, что наши воспоминания будут переходить из поколения в поколение, станут своеобразным Вечным огнём, который будет гореть в наших сердцах до тех пор, пока слышен их стук, что он не погаснет никогда.

Вечная вам память. Вечный вам покой. Низкий вам поклон.

Нурия Шемерова

г. Коломна, Московская область

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Дороги войны —
Сколько вас пролегло...
Солдаты войны —
Сколько вас полегло!

Дни и ночи войны
Вам ли не вспоминать?
А сироты войны —
Вас не пересчитать!

Тяжкий труд у станков,
Седина матерей.
Стоны живых мертвецов,
Чёрный смрад лагерей...

Злое Небо войны
Чем запомнится нам? —
Погибали сыны,
Совершая таран.

Сколько песен войны
Спето в нашем краю! —
И в часы тишины,
И в походном строю.

Слёзы войны —
Горше не было, нет!
А потери войны
Не восполнить вовек...

Ветераны войны,
Вас осталось чуть-чуть,
И ушедших друзей
Вам дано помянуть.

День Победы для нас —
Самый главный, святой!
Не забыть никогда
Смертной битвы такой.

СОЛДАТ С ФОТОГРАФИИ

Что ты смотришь на меня
С фотографии, солдат?
Будто искорки огня,
С хитрецей глаза горят.

Будто хочешь рассказать
О прошедшем, о былом...
Ведь не мог предполагать
Ты о будущем моём.

Ты — отец мой. Помню я
Руки сильные твои.
Похоронка в дом пришла —
Обливалась мать слезьми.

Пред тобою я в долгу,
Что живу, не зная бед.
Лишь понять я не могу:
Как погиб ты в тридцать лет?

Ты Отчизну защищал,
Не жалея головы,
И в атаку поднимал
Молодых бойцов своих.

Сколь прожить мне — Бог судья
(Дело вовсе не в годах), —
Столько буду помнить я
Эти искорки в глазах!

Михаил Энс

п. Куминский, Тюменская область, ХМАО-Югра

ЭТО СТРАШНО...

Это страшно, когда разбудила рассвет,
Разорвавшись в окопе, граната.
Это страшно, когда продолжения нет
У семьи, что ждала так солдата.

Это страшно — когда вдруг полуденный зной
Рассекают осколки и пули,
Но солдатик встаёт, чтоб мы жили с тобой
И чтоб дома родные уснули.

Пулёмётная трасса рвёт безжалостно ночь,
Не к добру для солдата «побудка».
Но солдатик встаёт за жену и за дочь,
Ну а жизни осталась минутка.

Он за эту минуту шагнёт за черту.
Он уйдёт за «черту невозврата».
Как звездой, душа озарит высоту,
И на ней похоронят Солдата.

Это страшно, когда разбудили рассвет
Боль и плач или раненых стоны...
Поимённо! Солдатам — забвения нет!
Им, навечно надевшим погоны.

Марина Якубовская

г. Воскресенск, Московская область

ВАЛЬС ПОБЕДЫ

Вальс знакомый лился по округе —
Пела девочка со сцены в День Победы.
Улыбались зрители друг другу:
Пел ребёнок, горя не изведав.

Пела девочка, не слышавшая взрывов,
О погибших, горе, боли, ранах...
Лился вальс в тени цветущей сливы.
Пролилась слеза у ветерана —

Одного-единственного деда
В той толпе, с иронией смотрящей.
А он пел, как пели в День Победы,
И кружился мысленно, как раньше

С будущей женой, что в ситце белом.
С той, кого давно уже не стало...
Смолкло всё. Лишь девочка несмело
Подвиг деда помнить обещала.

Содержание

А. Русских. <i>Это надо живым!</i>	3
Алевтина БОНДАРЕНКО. г. Коломна, Московская область	5
Владимир БОРДЮГОВ. г/п, Томилино, Московская область	6
Виктор ВОЛКОВ. г. Сасово, Рязанская область	9
Надежда ГАВРИЛИНА. г. Химки, Московская область	10
Дарья ГАЛЬЦОВА. с. Старый Курлак, Воронежская область	26
Светлана ГОРДЕЕВА. г. Муром, Владимирская область	30
Владимир ЕРОШ. г. Луховицы, Московская область	32
Екатерина ЕСИНА. г. Санкт-Петербург	34
Татьяна ЖЕЛЕЗНЯКОВА. г. Бор, Нижегородская область	37
Марина КРАСАВИНА. г. Коломна, Московская область	39
Дмитрий КРАСНОВ. г. Москва	42
Сергей КУЛЕШОВ. г. Луховицы, Московская область	48
Алексей КУРГАНОВ. г. Коломна, Московская область	50
Надежда ЛАВРУШИНА. г. Пугачёв, Саратовская область	52
Виктория ЛЕВИНА. г. Ришон Лецион, Израиль	54
Александра МЕНЬЩИКОВА. г. Курган	55
Андрей ПЕТРАКОВ. г. Воскресенск, Московская область	59
Вера ПОПОВА. п. Богородское, Хабаровский край	64
Тамара ПРОПИСНОВА. г. Коломна, Московская область	66
Гузель РАХМАТУЛЛИНА. г. Уфа	70
Галина САМУСЕНКО. г. Коломна, Московская область	76
Ирина СВИРИДОВА. г. Санкт-Петербург	80
Валерий СОБОЛЕВ. г. Томск	87
Анна СТАРОСТИНА. с. Григорьевское, Московская область	88
Валерий ТИХОМИРОВ. г. Орск, Оренбургская область	98
Людмила ЧЕБЫШЕВА. г. Воскресенск, Московская область	121
Юрий ФОКИН. г. Воскресенск, Московская область	122
Анна ШУВАЛОВА. г. Владимир	124
Нурия ШЕМЕРОВА. г. Коломна, Московская область	130
Михаил ЭНС. п. Куминский, Тюменская область	132
Марина ЯКУБОВСКАЯ. г. Воскресенск, Московская область	133

73-летию Великой Победы посвящается...

Священная народная...

Сборник произведений

Редколлегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Г.В. Самусенко*

Составитель:

Г.В. Самусенко

Дизайн обложки:

Д.В. Минаев

Корректор:

А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:

А.А. Минаева

Подписано в печать 26.04.2018

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 8,5 усл. п/л.

Гарнитура BalticaС.

ISBN 978-5-907026-35-3

9 785907 026353

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

